

DOI: 10.11649/abs.2016.014

Ирина Васильевна Поздеева

*Московский государственный университет
Москва*

Московский печатный двор XVII в.: между средневековьем и Новым временем

*Молитва – ваше к Богу глаголение,
а чтение – Божие к вам беседа.*

Часовник 1685 г. изд.

Великие открытия, значительно ускоряющие развитие цивилизации, каковым и было изобретение печатного стана, как правило, проявляют себя, когда складывается очевидная в них потребность и реальные возможности осуществления.

Изобретение Иоганна Гуттенберга, столь актуальное для Европы и моментально ее завоевавшее, приходит в Московию только при Иване Грозном в середине XVI века. Начало книгопечатания в России, несмотря на неопределимое его значение, остается и сегодня исторической загадкой: три Четвероевангелия, две Учебные псалтыри и две Триоди, отпечатанные достаточно умело тремя шрифтами, остаются и сегодня анонимными, то есть их издатели и место издания неизвестны. Датируются они только по обнаруженным на их листах записям: около 1553–1564 гг. Видимо, тираж, по крайней мере евангелий, был достаточно значительным, так как в 2003 году было известно в общей сложности о 92 сохранившихся экземплярах (1553/1554 – 36; 1558/1559 – 33 и 1563/1564 – 23 экз.) (Гусева, 2003, № 3, 5, 9, 10, 33, 34).

В 1564–1565 гг. Иван Федоров издает первые свои московские издания: Апостол и два Часовника (Зернова, 1958, № 7, 8; Гусева, 2003, № 36).

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2016.

Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk]

Следующими изданиями после ухода Ивана Федорова из Московского государства стали московская Псалтырь 1568 г. и так называемая «Слободская» Псалтырь, напечатанная Андронником Невежей и Никифором Тарасиевым в 1577 г. в Александровой слободе, куда царь со всем двором ушел из Москвы. Нам неизвестны новые московские издания следующей четверти века. Но в Казани, где, очевидно, будущим митрополитом Макарием была создана типография, отпечатаны, по крайней мере, два издания Службы Казанской иконе Божьей матери: ок. 1585–1590 и в 1595 гг. (Поздеева & Турилов, 2001).

С конца 1580-х гг. до начала Смуты московское книгопечатание достаточно интенсивно развивается. Четыре печатника в эти годы издали в Москве 20 книг, в том числе были предприняты такие трудоемкие и ответственные издания, как Устав («Око церковное») Анисима Радишевского 1606 г., Службные минеи: Сентябрь – 1607, Октябрь – 1610 и Ноябрь – 1610 напечатал Иван Андронников Невежин (Декабрь, очевидно, закончен не был) (Зернова, 1958, № 23–27).

Во время Смуты типография не работала, хотя правительство так называемой «Семибоярщины» и хотело возобновить книгопечатание. Затем типография сгорела, книги пытались начать печатать в центре российского сопротивления – Нижнем Новгороде, где Никита Федоров Фофанов издал в 1613 г. «Нижегородский памятник» (Починская, 2012, сс. 309–314).

Сразу по воцарении Михаила Романова, несмотря на пустую государственную казну, книгопечатание в Москве было возрождено, но пока отстраивали Печатный двор, станы работали «у Государя на сених», что в XVII в. происходило неоднократно из-за частых и разрушительных московских пожаров.

Фактически только после освобождения Москвы и возвращения туда царского двора можно говорить о новом периоде в истории российского книгопечатания, когда деятельность Московского печатного двора стала важным фактором развития государства.

Московское книгопечатание прошло в XVII в. путь от отдельных палат нескольких мастеров и тиражей в 500 экземпляров до хорошо организованной государственной мануфактуры, которая, как мы увидим далее, своей деятельностью серьезно способствовала превращению Руси в Российскую империю Петра Великого.

Задача данной работы – проследить именно этот процесс, используя новые факты и материалы, подходы и оценки, полученные сотрудниками межкафедральной Археографической лаборатории Исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в процессе сплошного изучения Архива Приказа книг печатного дела за 1620–1700 гг.¹ (Поздеева,

¹ За более ранний период документы фактически не сохранились.

В. П. Пушкин, & Дадькин, 2001, 2011). Архив, помимо исчерпывающих, а нередко и детальных сведений о деятельности Приказа и Печатного двора, содержит богатейшие материалы о разнообразных сторонах жизни России.

В предлагаемой работе собраны новые данные о репертуаре изданий Московского печатного двора и их тиражах, новых формах печатной продукции и новых целях типографии в разные годы XVII века. В статье приводятся факты и выводы, полученные при анализе результатов сплошного исследования уникального источника – Архива Приказа книг печатного дела², в котором всесторонне (с некоторыми лакунами из-за утраты части архива) освещено функционирование типографии и мастерских Печатного двора, размер, формы оплаты и состав его сотрудников, их служебные обязанности, закупки самых разнообразных припасов, необходимых для работы, распространение изданных книг и многое другое, что проливает новый свет и на жизнь Москвы XVII в.

Архив Приказа и новые сведения о поступлениях в библиотеки страны изданий этого времени позволили доказательно говорить о том, что в XVII в. (1615–1700) на Печатном дворе вышло 663 издания³, существование каждого из которых можно достаточно убедительно подтвердить: 253 книги из них напечатаны в 1615–1652 гг. и 410 – в 1652 (сентябрь) – 1700 гг. после перехода московского Печатного двора в руки патриарха Никона. Ранее ученые могли опираться на данные книги А. С. Зерновой, которая учла 498 сохранившихся изданий (Зернова, 1958, сс. 3–9)

В синкретической культуре позднего русского средневековья сложно представить типологию московских печатных книг. Достаточно объективно можно сделать это, только опираясь на основную функцию каждой книги, так как большинство изданий было многофункциональным. Этот подход позволяет нам отнести все издания к одному из пяти типов: Писание, книга богослужбная, учительная, учебная и справочная.

Многочисленные функции выполняли издания Священного Писания. В Москве XVII в. печатали Четвероевангелие, Апостол, Псалтырь и только один раз Библию в 1663 г. Это было важнейшее событие в культуре России – полный текст Священного Писания стал впервые широко доступен. Евангелие (Четвероевангелие) было отпечатано в XVII в. 21 раз (9 – в первой половине и 12 – во второй), а Апостол – 19. Евангелие и Апостол имели буквально всеобщую функцию: они были необходимы фактически в любом общественном богослужении и в большинстве чинов частного богослужения, при совершении всех таинств;

² В документах XVII в. употребляются названия «Приказ книг печатного дела» и «Приказ книгопечатного дела», но первое – предпочтительнее.

³ Это не полная цифра, так как не все дела архива сохранились. А. А. Гусева, изучив старую библиографию, составила список на 60 разыскиваемых изданий (Гусева, 1990; Поздеева, 1980).

на Евангелии клялись в верности князю и царю, давали клятву соблюдать мир; тексты Евангелия и Апостола служили важнейшим аргументом в богословских спорах, при прославлении и при осуждении, во многих жизненных обстоятельствах. Апостол был незаменим в деятельности архиерея, в жизни Церкви, в богословской полемике и т. д. Евангелие при богослужении полностью прочитывалось за год, начиная со дня Воскресения Христа. Многие места из этих книг на века стали формулировками основных христианских постулатов, нравственных законов жизни. Тексты Писания сопровождали человека от крещения до отпевания и поминаения. Ветхий Завет издавался в Москве XVII в. только в составе Библии 1663 г., но тексты ряда ветхозаветных книг были хорошо известны благодаря Триодям и текстам многих Служб, в которые они входили. Евангелия были самыми красивыми изданиями XVII в., все они, кроме издания 1648 г. (Зернова, 1958, № 205), печатались в десть (то есть печатный лист бумаги складывался пополам) или в 2°. В конце века издания Евангелия стали шедеврами московского книгопечатания. Например, Евангелие, вышедшее в сентябре 1677 г.: среди тех, кто делал рисунки для гравюр этого издания, был Федор Зубов (Кочетков, 2003, сс. 250–259), а среди гравюров – Алексей Нефедьев; инициалов больших и малых в книге было 84 отиска с 27 досок; заставок – 44 с 14 досок; концовок – 12 с 3 досок, рамок на полях – 21 с 7 досок. Эта роскошно оформленная книга была отпечатана тиражом 2400 экземпляров.

Евангелие 1677 г. было чрезвычайно популярно, сохранились десятки экземпляров этой книги (Поздеева, 2012, № 424–444), в том числе Евангелие, очевидно, распечатанное мастерами-золотописцами Посольского приказа. Листы с гравюрами и первые листы каждого Евангелия из книги были вынуты и заменены тремя листами той же бумаги, на которой было напечатано издание (!), на двух из них были врисованы миниатюры с изображениями евангелистов и их символов; первые рукописные листы тестов совершенно точно повторяли набор и шрифт книги, а все оформление демонстрировало высочайший образец искусства русской книги второй половины XVII в. (Поздеева, 2012, № 439. Рис. 6–14).

Опыт Евангелия 1677 г. был осмыслен при издании еще более роскошного по характеристикам и необычного издания 1689 г. – единственной книги, напечатанной в XVII в. форматом не в 2°, а в полный лист, то есть *in folio*. Издание вышло тиражом всего в 150 экземпляров, видимо, для вкладов в храмы или подарков. Шрифт для этой книги был специально вылит и составлял 10 стр. = 254 мм. при 16 строках на полосе. Поражает количество и качество элементов орнамента: на 323 листа 306 инициалов с 61 доски, рамок вокруг полос набора – 682 и вставка в клейма рамок – 259. Десять из 150 отпечатанных экземпляров основных гравированных элементов не имели – пустые листы и пустые места на листах предназначались для миниатюр и рисованного орнамента (Поздеева, 2012, № 612–616).

Печатная книга по своей красоте не могла конкурировать с высочайшим развитием искусства миниатюры. Издание 1689 г. было призвано объединить искусство московской печати с традиционной миниатюрой и изяществом многоцветного цветочного орнамента.

Таким образом, в конце XVII в. даже книги, рассчитанные на вклады, уже были печатными, но еще могли объединять искусство печати и искусство миниатюры.

Особую роль в жизни средневековой Руси играла ветхозаветная книга – Псалтырь малая, келейная, на Печатном дворе она называлась Псалтырью учебной, в отличие от Следованной⁴.

Среди других печатных книг самыми востребованными были книги богослужебные. Именно восприятие их постоянного чтения в церкви, следование им в жизни могли способствовать спасению души. Книги, которые обеспечивали уставное ежедневное богослужение, были необходимы в каждом храме государства, выросшего в XVII в. на Севере и Востоке «от моря и до моря».

Богослужение по лунному календарю (десяти недель подготовки к празднику праздников, Светлому Христову Воскресению, и восьми – после Пасхи) обслуживали Триоди – Постная и Цветная, впервые напечатанные еще в анонимной типографии, а затем в Москве в 1589 и 1591 гг. Андронником Тимофеевым Неvejeй и Иваном Андронниковым Неvejeиным в 1604 и 1607 гг. (Зернова, 1958, № 10, 11, 20, 22). В интересующие нас годы эти книги издавались 16 и 14 раз. Но в Триоди, так же как и в Октоихе (книге седмичных песнопений с указанием гласа) – типах переводной литургической книги – не было и не могло быть принципиальных изменений содержания.

Иное дело – книги, содержащие изменяемые тексты служб по солнечному календарю на каждый день года – Минеи служебные. Эти 12 книг (на каждый месяц) – также были переведены и не включали даже в начале XVII в. большинство канонизированных на Руси святых. Десяткам русских святых служили по книге Трефологион (Цветник, Цветослов), но чаще всего – по Минее общей, в которую входят службы по «родам» святости: «апостолу единому, двема и многим», мученику единому и многим, мученице, великомученику и т. д. После 1632 г. этот тип богослужебной книги больше не издавался, так как развитие русского государства требовало специальных служб русским подвижникам, но до конца века издавалась Минея общая с праздничной, которая позволяла совершать и службы двенадцатых (иногда и великих) праздников года. Минея

⁴ В книге А. В. Вознесенского (Вознесенский, 2010) дана исчерпывающая история издания Псалтыри в Москве. К сожалению, непонятно, почему автор выбрал термин «простая», ведь так она в традиционной культуре, в библиографии и каталогах не называлась. Поскольку речь идет именно о печатной книге, то на Печатном дворе она чаще всего называлась именно «Учебная псалтырь».

общая трижды издавалась в Москве до окончания Смутного времени, а затем четыре раза в 1618–1652 гг.

Минея общая с праздничной впервые издана на Печатном дворе в 1635 г., и до 1700 г. было предпринято еще 13 изданий этой книги, несмотря на четыре издания полного круга служебных миней. Это было необходимо, так как постоянное освоение новых земель, которое всегда и прежде всего сопровождалось строительством храмов и созданием монастырей, и частые пожары церквей требовали все новых книг.

Более всего в годы после Смуты нужно было принципиально новое издание всего круга служебных миней. После долгих лет войны и разорений, внутренних и внешних потрясений, восшествия на престол новой династии, не связанной с Рюриковичами кровным родством, необходимо было новое, духовное объединение Руси. Это и стремился подготовить Печатный двор, объединив для всероссийского почитания многих местных святых, внеся службы им в печатные минеи.

Сложную работу по изданию нового круга служебных миней попытался начать Иван Андронников Невежин изданиями 1607 и 1608 гг. Однако в этих книгах службы русским святым, канонизированным после соборов 1547–1549 гг., также отсутствовали. На восстановленном Печатном дворе печатники Иосиф Кириллов и Алексей Невежин в 1619 г. начали издание миней, которое закончили в 1630 г. изданием 8 июня Минеи на август. Первые четыре книги изданы неудобным для общественного богослужения форматом – в 4°. Минея на сентябрь в 1619 г. была отпечатана без служб русским святым, три из которых были добавлены, очевидно, по завершении печати не на своих местах, а «у доски»: служба 19 сентября – преставление прп. кн. Федора и чад его (с. 1–23 об.); 20 сентября – преставление свв. «новоявленных мучеников» кн. Михаила черниговского и боярина Федора (с. 24–43); 25 сентября – прп. Сергия Радонежского (с. 44–74). Затем (с книги на январь) минеи печатали форматом в 2° и службы русским святым помещались в них на своих местах – под соответствующими днями месяца.

В 1641 г. был отпечатан Устав («Око церковное»), в котором дни памяти этих святых были также указаны. В первый полный круг московских Миней были включены службы 54 русским святым и еще семь были названы, но текстов служб не имели, было указано, что служить им необходимо по Трефологионам. Для всероссийского поклонения в новые минеи были включены службы ряду ранее местночтимых русских подвижников. Причем этим службам предоставлялось первое место в службах дня. Минеи первого круга объединили в единый сонм далеко не всех «святых в земле Русской просиявших», даже широко почитаемых; например, в них не было служб митрополиту московскому Филиппу и Службы на положение Ризы Господней. Зато широкой была география русской святости:

от Соловков, Пскова, Новгорода, Великого Устюга до Казани и Перми. В первом круге миней прославлялись и киевские святые, хотя земли Украины были подвластны Речи Посполитой. Миней, изданные в 1619–1630 гг. показывали всем, что Тверь, Новгород, Пермь и другие российские земли защищают общерусские заступники (Лебедев, 2011, сс. 194–197).

Однако новых печатных миней, в которые вошли службы русским святым, постоянно не хватало многим восстановленным после Смуты храмам и новым церквям, постоянно освящаемым одновременно с продолжающимся заселением Урала, созданием городов в Сибири, дальнейшим освоением северо-западных окраин России.

Тиражи первых миней, как правило, насчитывали немногим более 1000 экземпляров (продавалась каждая книга по 1 р. при себестоимости 26–27 алтын). Этого количества экземпляров было мало именно из-за служб русским святым, которых не было и в рукописных минеях, и им служили, как уже было сказано, по рукописным Трефологионам. Поэтому в 1637–1638 гг., когда издавался Трефологион – фактически Миней, избранная на год, – к ее четырем томам был напечатан дополнительный первый том (сентябрь–ноябрь), в который вошли службы преимущественно русским святым, почитаемым в эти месяцы.

В 1644–1646 гг. вышел второй круг миней, или Миней годовая (на Печатном дворе так и считалось, что это одна книга в 12 выпусках). В это издание, по подсчетам М. В. Лебедев, вошло 79 служб прославленным русским святым, в том числе 30 преподобным, 20 благоверным князьям и 7 святителям (Лебедев, 2011, с. 202). Насколько трудной была подготовка нового издания, говорит то, что книги выходили в порядке, не соответствующем календарю: месяцы – первый, девятый, третий, двенадцатый и т. д. Книги также продавались по 1 р., тираж их был стандартным для тех лет – 1200 экземпляров. Издание ценилось, прежде всего, своей полнотой. В 1660 г. в Москве за годовую минею 1640-х гг. платили в пять раз больше – 60 р. (Поздеева, 1981, с. 116).

Следующие два издания служебных миней были предприняты в 1690–1691, 1692–1693 гг. только после нового издания Устава церковного 1682 г, в котором были учтены имена почти всех прославленных ранее русских угодников.

Особую социально-политическую роль в XVII в. играли службы святым тезоименным членам царской династии, особенно в годы правления первых царей из династии Романовых; так, Канон и Служба Алексею митрополиту были напечатаны четыре раза; Служба Алексею человеку Божию – один раз; Служба и житие Иоанна Воина были составлены Карионом Истоминым и напечатаны в 1695 г. (Зернова, 1958, № 467). В этой книге мы находим целый ряд рассуждений, важных для человека рубежа XVII–XVIII вв., например, прославление любого полезного труда – будь то управление государством или выращивание хлеба.

Большое значение имели издания служб или молебнов по важным политическим поводам: «Егда царю ийти противу супостатов», два издания Ектении «О победе на агарян» (1682) и канон-молебен «Во время брани». Несомненно, эти молебны были призваны обеспечить помощь Господа в бою войску православного царя и огласить справедливую цель войны: освобождение православных христиан от власти «агарян»; они были реальной помощью, вселяли веру и надежду в души воинов.

Десятки молебнов и чинов по самым различным поводам опубликованы в Требниках, неоднократно издаваемых в XVII в. с 1623 до 1688 гг. Специальные молитвы и молебны были, например, на первое обрезание волос младенцу, на копание кладезя, аще что «поганое» «впадет» в кладезь, на закладку дома, на бездожие и на проливные дожди и т. д., по случаю десятков иных личных, общественных и государственных потребностей. Требники были мирские и иноческие, и любой человек мог постоянно обращаться к Господу и надеяться на божественную помощь. Молебны были призваны освятить все основные этапы и события жизни человека – от рождения до смерти, основные события в жизни семьи, общества и государства (Поздеева, 2003b, сс. 30–40).

Такие молебны, как на «Закладку града», тексты исповедей тех, кто хочет служить Государю, и их присяги служить верно преследовали чисто политические цели – прославление царя, России и «обеспечение» помощи Господа во всех начинаниях и делах русского правителя. Насколько новые богослужебные тексты создавались именно для решения политических задач, прославления единственного православного государя и православного государства, пришедшего на смену даже не Риму, но самому «святому граду Иерусалиму», показывает служба «На положение Ризы Господней» (Зернова, 1958, № 60) в честь привезенного в 1625 г. в Москву дара шаха Аббаса – части хитона Иисуса Христа; Служба полна славословиями не только и даже не столько Христу, сколько возвеличенному Господом Михаилу Романову и Москве – хранителям традиций христианства.

Как и в других российских службах, особое значение для раскрытия цели богослужения имеют тексты, избранные из ветхозаветных и новозаветных книг: например, в службе Казанской иконе Богоматери, изданной в Казани в 1595 г., в паремии говорилось о покорении всех земель «до моря», чему и должна была служить Казань и в XVI, и в XVII вв.; в службе «На положение Ризы Господней» среди текстов, восхваляющих «богоизбранного» государя и Москву, текст Ветхого Завета напоминал, что Господь положит все народы «под ноги Иерусалиму», что в данном контексте читается именно как «под ноги Москвы». Служба, прославляющая Москву и как нового хранителя величайшей христианской святыни, была напечатана на МПД в том же 1625 г. Цена экземпляра Службы была 3 алт. 2 деньги, т. е. 10 коп.

Если к этим фактам добавить, что, начиная с утренней службы и до конца дня несколько раз в каждой Церкви произносились ектении, в которых все присутствующие возносили молитвы за царя, его семью, его победу и т. д., то становится очевидным, что именно печатная богослужебная книга содержала молитвы ко Господу о спасении душ каждого верующего, но прежде всего – молитвы Церкви и всех прихожан за Царя, «Богом избранного, Богом превознесенного», и его победу над врагами. Особенно настойчиво эти мысли звучат именно в годы становления новой династии, которую избрал, возвысил и хранит именно Господь (Поздеева, 1996, сс. 41–50). Очевидно и то, что так называемая «царистская идея», столь долго жившая в русском народе, «воспитана» именно богослужебными текстами, которые в XVIII в. активно восхваляли царствующим особ Дома Романовых.

Однако печатная книга прославляла избранного Богом русского царя не только в текстах отдельных служб. Этому были посвящены сотни тысяч послесловий в каждом экземпляре большинства типов печатной продукции. Эти тексты почти всегда начинались славословием Троицы и Божественных Ипостасей, которые и внушили ими избранному, просвещенному и благословенному царю благую мысль напечатать данную книгу ради «украшения» церквей и снабжения их всем необходимым.

Довольно часто послесловие содержало краткую характеристику и функции нового издания. Послесловия содержат самую разнообразную информацию, например, в 1620–1630-х годах – темы прямого наследования Романовыми их «предков» от Константина Великого и св. Владимира до Ивана IV и Федора Иоанновича. Именно Михаил Романов – хранитель христианства, древних государственных традиций и даже «браздодержатель славенского языка». В зависимости от времени, в послесловиях говорится о борьбе с ересями, о вечных или, наоборот, животрепещущих проблемах жизни страны.

Хотя послесловия были всегда характерны для славянской рукописной и печатной книги (достаточно вспомнить издания Франциска Скорины и Ивана Федорова), в XVII в. они становятся уже самостоятельным жанром, который фактически граничит с публицистикой, так как эти тексты были посвящены злободневным темам, рассчитаны на самые широкие круги общества, тиражированы в тысячах и десятках тысяч экземпляров и доставлялись во все концы страны.

Вот, например, один из текстов актуального панегирика Михаилу Романову в послесловии к Учебной псалтыри, изданной Никитой Фофановым в 1615 г.: «...возсия луча света всемирнаго просвещения в сердца, иже в законех божественных от юности воспитанном, знаменити сия словеса со вниманием, спасительнаго корене браздодержателю словеньскаго языка и о благочестии истинному поборнику и его десницею блюдому, благочестивому государю нашему богомудрому царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России самодержцу». В послесловии

к изданию 1648 г. «Книги о вере единой» мы находим яркое развернутое славословие славянскому языку (л. 3 – 3 об.): «иже широк есть и великославен, совокупителен и умилен и совершен, паче простаго и лядскаго обретается. И имеет в себе велию похвалу <...> иже богоугодным тем языком в Великой и Малой Руси, в Сербях и в Болгарех и по иным странам действуются» (нет сомнения, что в своем гимне русскому языку М. В. Ломоносов следовал этому тексту!).

В середине XVII в. были впервые изданы государственные законы и церковные правила, регламентирующие жизнь личности, семьи, общества и православного государства. «Соборное уложение Царя Алексея Михайловича» – это государственные законы, определявшие жизнь и города, и поместья, окончательно утвердившие крепостное право и, во многом, самодержавную власть царя, дальнейшее возвышение нового правящего класса (служилого дворянства). Книга вышла двумя изданиями 20 мая и 21 декабря 1649 г.

Первое издание было отпечатано в количестве 1200 экземпляров. Себестоимость с учетом безденежно розданных книг стала в 28 алтын 2 д. (79 коп.), продажная цена была установлена в 1 рубль. Указ о втором издании Уложения вышел уже 26 августа 1649 г., а «вышло из дела» издание в количестве тех же 1200 экземпляров, себестоимость которых оказалась 62 коп., продавалась книга также по 1 р. (ранее считалось, что было три издания Уложения) (Зернова, 1958, № 216).

В Архиве сохранились документы, в которых Свод законов называется по старой русской традиции «Судебник», или «Уложение судных дел». Издание 2400 книг Уложения позволило унифицировать суд на всей территории государства, что способствовало централизации управления, а также должно было уменьшить злоупотребления и поборы.

Соборное уложение 1649 г. служило основой законодательства Российской империи, хотя постоянно уточнялось и серьезно дополнялось; на полях многих экземпляров вписывались дополнения или замены к статьям Уложения вплоть до конца XVIII и даже начала XIX вв. И самое существенное: Соборное уложение 1649 г. узаконило укрепление самодержавной власти и единство государства накануне превращения Древней Руси в Российскую империю Петра Великого.

Важнейшее значение после издания Уложения для церковной, общественной жизни и жизни личной имела публикация Кормчей книги, историю печати которой, благодаря сведениям Архива, также пришлось пересмотреть. Ранее в литературе считалось, что Кормчая книга издавалась в 1650 и в переделанном виде в 1653 гг. (Зернова, 1958, № 222, 248). Оказалось, что издание Кормчей было только одно. Начали работу над «Правилами святых апостолов и святых отцов» – так на Печатном дворе назывались книги – 05.09.1649 г.; вышедшие 19 июля 1650 года несколько экземпляров отпечатанной книги были переплетены и представлены патриарху, царю и «властям» в Никольской палате (Архив: Д. 42. Л. 582) для проверки, обнаружившей множество ошибок, поэтому в 1651 г. было переделано «за

неисправностью речей» 25 четверок, а четыре с половиной тетради доделаны (Архив. Д. 43. Л. 106 об.). Какое-то количество экземпляров Кормчей книги снова было роздано «для исправления» в 1652 г. Этот вариант Кормчей 1650 г. в науке стал называться «в первоначальном виде», а вариант 1652 г. именуется «смешанным».

Однако книгу снова начали доделывать по приказу пришедшего к власти патриарха Никона, который потребовал перепечатать разделы, связанные с патриаршей властью: «О патриаршем поставлении» и «Грамота великого царя Константина». 1200 экз. книги вышло после всех переделок 15.07.1653 г. 79 экземпляров было роздано «безденежно», а 1121 книга «стали в деле по рублю по 29 алтын по полпяты деньги». Цена за экземпляр Кормчей была назначена в 3 р. (Архив: Д. 52. Л. 6, 535–710).

В результате уже в середине XVII в. страна получила и светские законы, и церковные правила в печатном виде, чего по тем временам не было даже во многих европейских странах, а в России способствовало имперской унификации управления, в том числе и управления Церковью после отмены патриаршества и создания Правительствующего Синода.

Значительный прогресс отмечается и в изданиях учительных книг, а после раскола РПЦ – и в полемических книгах Печатного двора, написанных русскими авторами, собранных из всего богатства произведений христианской литературы или перепечатанных с более ранних славянских печатных изданий.

Первым в XVII в. на Печатном дворе было издано 4 мая 1629 г. Евангелие учительное, которое до 1700 г. переиздавалось еще шесть раз, в седьмой раз в 1697 г. Евангелие с толкованием Феофилакта Болгарского вышло в 1649 и 1698 гг. В первой половине века вышло четыре издания (1647 и 1652 гг.) Паренесиса Ефрема Сирина (в том числе два издания вместе с книгой аввы Дорофея). Паренесис принадлежит одному из самых популярных в XVII в. на Руси отцов церкви; также в славянских странах и на Руси были широко известны и популярны Поучения в 25 главах аввы Дорофея. Этот труд был издан в 1628 г. в типографии Киево-Печерской лавры и переиздан в Москве вместе с Паренесисом.

Особая любовь в России к творчеству Ефрема Сирина, известного здесь с XII в., сказалась на удивительном тексте послесловия московского издания «Паренесиса» 1652 г. Издатели пишут об особом влиянии этой книги на каждого: «Кто бо Ефрема наказания слыша и не умилися и не прослезися <...> блудный, вместо блужения приносит целомудрие, лихоиметель – давание <...> и князи и вельможи, и сами царие на руку держаще прочитают, и паче меда и сота свои души услаждают» (л. 166 об.)⁵.

⁵ Ефрем Сирин, авва Дорофей. Поучения. М.: Печатный двор. 01.01.1652. ОРКиР НБ МГУ. 5 Оқ'á 915.

Многие учительные книги, традиционные для русской и славянской культуры, в том числе громадного объема том гомилий Маргарит, в значительной степени принадлежащих перу Иоанна Златоуста, впервые были напечатаны в Москве в 40-х г. XVII в. Книга Маргарит вышла 1 ноября 1641 г (844 л. в 2°), 1200 экземпляров Маргарита «стали в деле» по 1 р. 19 алт. 1 д., но с накладными расходами – ремонт палат, станов и т. д. – стоимость одной книги увеличилась до 2 р. 16 а. 4 д., то есть 2 р. 50 коп. Указная цена была назначена без прибыли – те же 2 р. 50 коп. Сборник, содержащий 30 слов прп. Иоанна Златоуста был напечатан в Москве с острожского издания 1596 г., но в русской рукописной книжности сборник известен с XIV–XV вв. (Грицевская, 2007, сс. 269–272).

Двумя месяцами ранее (10.08.1641) вышла в свет первая половина Пролога – самого популярного на века богоугодного чтения в России; в 1642 г. – первая половина книги была перепечатана, но со статьями о некоторых русских святых. Вторая часть первого полного издания Пролога вышла 6 декабря 1643 г. тиражом 2400 экземпляров и ценой 3 р. за книгу (2°, 958 л.). Печатали первое полное издание Пролога в «каменных хоробах в четыре стана» (Дадыкин, 2001, сс. 119–124).

О работе над составом и текстом печатного Пролога точными и ясными являются выводы Ф. С. Капицы: «...Его составители не просто сокращали тексты и перерабатывали их, делали более динамичными и сложно завершенными, добивались максимального жанрового единообразия и удобства чтения. Тексты почти каждого дня... завершаются... особыми концовками поучительного характера...» (Капица, 2007, с. 265).

Насколько эта книга с первого ее появления в печатном виде пользовалась успехом и была востребована, говорит беспрецедентный факт: с 1642 до 1696 гг. вышло семь (!) изданий этой книги, в двух частях которой было 1867 л. (909 + 958). Подробно история издания и распространения первых Прологов впервые была тщательно изучена А. В. Дадыкиным, показавшим степень востребованности книги у представителей всех социальных страт многих регионов России (Дадыкин, 2001, 2003).

Содержанию, составу и стилистике Пролога посвящено коллективное исследование, в котором показано, что этот сборник содержал около 6000 отрывков из трудов многих христианских авторов и освещал все стороны богоугодной жизни человека, семьи, общества: почитание родителей и воспитание детей; подчинение власти (ибо «нет власти не от Бога»); милосердие, умеренность («не упиватися»); подвиги святости, иноческий долг и долг богатых людей, получивших от Господа богатство; терпение и воздержание – все это на ярких примерах жизни почитаемых подвижников, из поучений Отцов Церкви, на текстах патериков, повестей и житий (Демин, 1978, сс. 54–75; Елеонская, 1978, сс. 76–98; Державина⁶, 1978, сс. 107–131).

⁶ В указанной книге опубликовано всестороннее исследование Прологов. Три указанных статьи особенно важны для раскрытия нашей темы.

Трудно было бы переоценить значение в русской народной культуре Прологов – проложных чтений, звучащих в храмах, ежедневного монастырского или семейного чтения. И через века, в XVIII и XIX вв., судя по Верхокамскому рукописному собранию, представляющему книжность крестьян-старообрядцев поморского согласия, именно Пролог неизменно оставался источником любимых текстов, переписывавшихся во многих десятках местных рукописных сборников (Агеева, Кобяк, & Круглова, 1994, Указатель названий, Указатель начальных слов). Именно Прологи стали, после Псалтыри, наряду с Паренесисом Ефрема Сирина, фактически традиционным народным чтением.

В значительной степени обеспечив страну литургической книгой, издав в 1641 г. Устав или Око Церковное и в том же году первую часть Пролога и Маргарит, Печатный двор в ближайшие годы издает несколько сборников, важнейших с точки зрения внешнеполитической и внутренней ситуации. В их числе – «О иконном почитании», или «Многосложный свиток» (26.08.1642), посвященный борьбе с ересями, возрождавшимися в новой форме в реформационных конфессиях. Видимо, этот сборник составлен и подготовлен именно к изданию 1642 г. на Печатном дворе; его состав проанализирован И. М. Починской, которая пишет о 12 гомилиях, включенных в этот сборник, среди них шесть, читавшихся в день Торжества православия, установленного в честь победы над иконоборчеством.

7 августа 1643 г. издается сборник «Поучение священническое», или «Сборник поучений патриарха Иосифа», один из текстов которого (русское произведение XIV в.) последовательно направлен на борьбу с нарушениями христианской социальной доктрины. Здесь изложены требования справедливости и милости от всех властей по отношению к незащищенным слоям общества; в тексте подчеркивается, что долг царя – заставить неправедных судей и князей выполнять свой христианский долг.

Издание этих книг было достаточно актуально в «бунташном» XVII в., но в 1640-х гг. вышло еще несколько сборников, содержание которых так же отвечало требованиям исторического момента. «Кириллова книга» и «Книга о вере единой православной», составление которой приписывалось игумену Михайловского монастыря Киева Нафанаилу, были изданы на Московском печатном дворе в 1644 и 1648 гг. Оба этих сборника содержали тексты ранних украинских изданий (книги прп. Василия Великого «О постничестве» – Острог, 1595 г.) и труды украинско-белорусских авторов, выступающих против католицизма и унии – опасностей вполне актуальных для западнославянских земель. Но цели этих изданий были шире: ввиду опасности наступления западных конфессий необходимо было подчеркнуть единство всех православных славянских народов, напомнить их древнюю общность и традиционную близость.

«Кириллова книга» – важнейший полемический сборник, в который включены тексты многих авторов, начиная с Кирилла Иерусалимского (его эсхатологическое слово, вошедшее в виленское издание 1596 г. в переводе и с комментарием

Стефана Зизания) до Соборного изложения патриарха Филарета 1620 г. Главные тексты в Кирилловой книге антикатолической и антилютеранской направленности⁷, тексты украинско-белорусских авторов, возможно, из «Просветителя литовского». В это московское издание вошли острожские публикации конца XVI в. (украинско-белорусские тексты для издания 1644 г. были переведены на церковнославянский язык). В книгу вошли произведения и русских авторов: фрагменты сочинений Максима Грека из упомянутого выше московского сборника 1642 г. и др. (Опарина, 1987, сс. 43–57; Коган, 1993, сс. 163–165).

Кириллова книга решала две основные задачи: предоставить материалы для полемики с западными конфессиями и – для начавшейся подготовки объединения Украины и Белоруссии с Россией. Считается, что составителями этого сборника были люди, имевшие прямое отношение к Печатному двору: Михаил Рогов, Иоанн Наседка, Шестак Мартюшев и Захарий Подосенов. Состав сборника демонстрирует широкие знания московской элиты раннехристианской литературы, украинско-белорусских произведений XVI–XVII вв. и несомненный талант точного выбора текстов.

Важнейшей публикацией, вошедшей в текст Кирилловой книги, являются Индексы книг, разрешенных для чтения, и книг запрещенных («отреченных книг»), знание которых в эти годы имело самое существенное значение, сохранившееся, особенно в старообрядческих регионах, и сегодня.

На вторую половину 1640-х гг. приходится издание Лествицы Иоанна Лествичника (Синайского), включающей и ряд святоотеческих и оригинальных русских текстов, дополняющих учение о богоугодной жизни, и также широко популярной в рукописной традиции. Судя по послесловию, в основу издания положен царьградский список 1121 г. Лествицы, который позднее вошел в собрание Иосифо-Волоколамского монастыря (№ 462), переписанный писцом Ефремом. К тексту собственно Лествицы добавлены фрагменты произведений многих христианских (Иоанн Златоуст, Ефрем Сирийский, Василий Великий, Максим Исповедник) и русских авторов (Максим Грек, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий). И. М. Грицевская считает, что для издания Лествицы 1647 г. составители использовали только что напечатанные московские книги: уже упомянутый Маргарит, Кириллову книгу и Толковое евангелие (Грицевская, 2007, с. 275). Этот факт демонстрирует характер работы широко образованных составителей и редакторов новых изданий учительных книг уставных и неуставных чтений. Единство языка и общие исторические задачи позволяли Печатному двору постоянно обращаться к произведениям славянских православных авторов и книгам, напечатанным в славянских типографиях.

⁷ В эти годы, в связи с прениями по поводу переkreщивания лютеранина принца Вольдемара, приехавшего для заключения брака с принцессой Ириной, эти тексты были особенно актуальны.

В эти же годы (1644–1646) был отпечатан самый полный по составу русских и славянских святых (79 прославленных подвижников) годовой круг служебных Миней (тираж $1200 \times 12 = 14400$ экземпляров) (Лебедь, 2011, с. 202), изданы Грамматика Мелетия Смотрицкого, а также учебник военного дела – перевод голландской книги Иоганна Якоби фон Вальхаузена «Учение и хитрость ратного строения пеших полков». 1200 экземпляров этой книги вышло 26.08.1647 г.; 1187 проданных экземпляров (13 книг роздано безденежно) стоили по 20 ал. 2 д. (61 коп.), а продавались по 1 р. за книгу. Гравюры (35) и многочисленные гравированные таблицы на больших вклеенных в книгу листах выполнены и даже отпечатаны в Голландии (последние два издания вместе с Соборным Уложением 1649 г. являются первыми светскими книгами, если не говорить об Азбуках и Букварях).

В 1647 г. (29.06) вышло в свет 1200 экземпляров большой книги (2°, 379 л.), получившей название «Сборник из 71 слова». В этот сборник вошли чтения из Торжественника триодного от недели мытаря и фарисея до чтений недели Всех святых. Это, по словам И. М. Грицевской и Е. С. Курдиной: «Триодный сборник уставных чтений непостоянного состава». Анализируя это издание, авторы делают важное замечание, характеризующее книги Печатного двора первой половины XVII в. как продолжение и развитие традиций древнерусской литературы. Авторы пишут, что формирование указанного сборника «...полностью соответствует нашим представлениям о генезисе средневековых рукописных сборников уставных чтений непостоянного состава...» (Грицевская & Курзина, 2007, с. 260).

Поскольку на 40-е годы (1645) приходится смерть царя Михаила и воцарение Алексея Михайловича Романова, очевидно, что инициатива издания новых для печати, но продолжающих традицию рукописной книжности учительных книг поддерживалась первыми Романовыми, однако исходила от патриарха Иосифа (1642–1652).

Столь высокая активность издания учительных книг достигалась вовсе не за счет меньшего количества изданий других типов, а за счет интенсификации производственных работ благодаря коллективу опытных работников Печатного двора и строгому надзору за работой станом и вспомогательных служб.

В те же 1640-е годы был издан Устав церковный (1641), обеспечивший издание нового круга служебных миней, а также книги Писания, Служебники, Триоди, Учебные псалтири, Азбуки и Часовники. Таким образом, только за 10 лет правления патриарха Иосифа, последние годы жизни Михаила Федоровича и первые годы царствования Алексея Михайловича было отпечатано 81 издание (39% из 210, вышедших на Печатном дворе до 1652 г.)⁸.

⁸ Если учесть книги изданные, но до нас не дошедшие, то эта цифра составляет 92 издания. Но для ясности подсчетов возьмем только указанные в Каталоге А. С. Зерновой.

Насколько современники уже в 40-х гг. XVII в. оценили значение московского книгопечатания, говорит создание произведения «Сказание известно о воображении книг печатного дела», появление которого ученые относят ко времени 20–40-х гг. XVII в. Авторы Сказания пытались осмыслить путь московского книгопечатания – деятельность Ивана Федорова, Петра Мстиславца, Андроника Невежи и Никиты Фофанова (Сказание в конце века знал и использовал Федор Поликарпов [Тихомиров, 1968, сс. 298–300]).

Таким образом, большинство учительных сборников, вышедших на Печатном дворе в 40-х гг. XVII в. прямо продолжало традиции славянской древнерусской литературы. Издатели, публикуя тексты наиболее популярные в рукописной книжности, перепечатывали в том числе и более ранние издания других славянских типографий.

Учительное Евангелие, завершенное 12.06.52 – последняя книга, вышедшая при патриархе Иосифе; книга Ефрема Сирина (11.09.1652) – первая, в которой указано имя патриарха Никона, а Требник (10.12.1658) – последняя: всего у А. С. Зерновой учтено 39 изданий, вышедших в годы патриаршества Никона. Именно на эти годы приходится начало самого трагического события в истории Русской православной церкви – Раскола, который не преодолен и сегодня⁹.

Церковные реформы патриарха, которые и стали основной причиной Раскола, проводились поспешно, не были соответствующим образом подготовлены и объяснены верующим. Однако сами реформы не были субъективными, имели серьезные внутренние и внешнеполитические причины. С одной стороны, задолго до Никона была осознана необходимость реформирования Церкви: серьезные и давние нарекания вызывали низкая образованность и небезупречная нравственность церковнослужителей, ряд сложившихся практик в богослужении (одновременное чтение и пение, земные поклоны, сугубая аллилуйя и т. д.); с другой стороны, стала очевидной необходимость сближения с православными церквями славянских стран и с греческой церковью. Восточные патриархи, во многом в XVII в. зависящие от российской «милостыни», всячески вселяли в Никона и Алексея Михайловича мысли о необходимости создания единого православного государства и единой церкви, которые могли бы противостоять наступлению иных вер и конфессий. Особенно настойчиво эти идеи поддерживали афонские монастыри.

Реформы Никона, так или иначе, касались в России каждого. Каждый должен был решить, как он спасет свою бессмертную душу: приняв церковные

⁹ С конца XX в. острота борьбы осталась в прошлом. Государство ни в чем не ограничивает деятельность Русской православной старообрядческой церкви, так же как и других старообрядческих согласий. Более того, в 2015 г. митрополит Москвы и всея Руси Корнилий получил высокую государственную награду.

реформы или пойдя за Аввакумом и его соратниками. Изменения коснулись многих церковных правил, обычаев, богослужения, написания имени «Исус» (Иисус), формы перстосложения при положении на себя крестного знамения, текста Символа веры и т. д.

Одной из важных причин раскола стало новое исправление печатных богослужебных книг – так называемая «справа», которая постоянно проводилась со времени восстановления после Смуты Печатного двора. Однако эта справа никогда не была не столь радикальной, как при патриархе Никоне, когда частично, действительно, исправлялись расхождения в церковнославянских текстах с греческими книгами, нередко субъективно правился язык и лексика, однако, изменялась и сущность текстов, что вызвало неприятие всех изданий, вышедших при Никоне и после него.

Сначала сопротивление реформам ограничивалось борьбой внутри церковных кругов. После Соборов, осудивших протопопа Аввакума, дьякона Александра, попа Лазаря и других противников реформ, и жестокой расправы с иноками Соловецкого монастыря, не принявшими «новин» и открыто выступившими против патриаршей Церкви уже без Никона, но полностью сохранившей церковные реформы, против патриаршей Церкви выступили и широкие круги общества. Кульминацией открытого противостояния в XVII веке стало стрелецкое восстание в Москве в июле 1682 г.: фактический захват Кремля, споры в Грановитой палате, последовавшие казни и ссылки. Еще за несколько месяцев до восстания сожжены пустозерские узники, а после восстания был казнен последний из крупных вождей сторонников «старой веры» – Никита Суздалец – «Пустосвят».

Церковь и государство боролись с противниками реформ не только огнем (сжигая последовательных сторонников «старой веры» – староверов, или старообрядцев), сажая их в земляные тюрьмы, ссылая в далекие монастыри, но также и Словом.

Со времени раскола Русской православной церкви одним из важнейших инструментов постоянной полемики стали издания Государева печатного двора. Насколько ожесточенной и напряженной была борьба Церкви с инакомыслием, говорят, например, два текста, опубликованные в 1655 г., обязательные для службы во всех церквях Канонов – Молебнов о умирении и соединении церквей. Несмотря на название, оба эти Канона были самым резким осуждением противников: они «звери лютые», распахнувшие «пасти кровавые», чтобы «растерзать Церковь Божию» и другие не менее страшные обвинения. Оба Канона-Молебна опубликованы в сложное время, и названия их символичны: «Канон-Молебен о соединении веры православныя и о умирении Церкви святыя восточныя» (в июне 1655 г.) и «Молебное пение, певаемое в нужди церковной о умирении и соединении веры» (вышло, очевидно, несколько позже) (Зернова, 1958, № 261–262).

Попытки убедить в правоте Церкви вызвали к жизни небольшие самостоятельные издания, содержащие объяснение ряда спорных изменений текстов, отпечатанных в новых редакциях: «Вечерни», «Дьяконники», текст Символа веры, новые правила о поклонах и т. д. Указанные издания были рассчитаны не на противников реформ, а на церковные круги, эти изменения осуществляющие.

Именно на годы правления Никона приходится много изданий, экземпляры которых утрачены; среди них – издание 1000 Разрешительных грамот сербскому патриарху Гавриилу, Азбука (27.09.1652) и «Азбука с прибавкой» (1657) (Зернова, 1958, № 275). Были напечатаны Часовники учебные и Лествица «на листу», то есть в форме плаката (30.06.1655) – 2400 экземпляров ценой по 8 копеек¹⁰.

Новые задачи Церкви и государства заставили руководство Печатного двора на десятилетия прекратить издание текстов традиционного уставного чтения, обратившись к ним только в конце XVII века. 1650–1680-е гг. потребовали создания новых оригинальных изданий, посвященных борьбе с противниками церковных реформ.

Важнейшим полемическим изданием начала раскола стала «Скрижаль», на Печатном дворе названная «Книга церковная» (1655–1656), – сборник, который должен был доказать справедливость церковных реформ. В книгу вошли тексты и ранних отцов Церкви (Афанасия Александрийского), и произведения писателей XV–XVI вв. (Николая Малаксы, Максима Грека), и присутствовавших на Соборе 1656 г. восточных патриархов, в том числе Паисия, патриарха Константинопольского – письма его к Никону и письма самого Никона. В книге также было опубликовано Соборное деяние и Поучение о семи таинствах митрополита (Филадельфийского) Гавриила (Зернова, 1958, № 266).

Новой для московской печати была публикация подписей членов собора, что показывает, насколько Скрижаль должна была стать важнейшим и авторитетнейшим документом в борьбе с противниками реформ (1200 экземпляров, 1 р. 30 коп.). Но именно по поводу этой книги священник Никита из Суздаля (Никита Суздалец, или Пустосвят) подал Челобитную на имя царя, в которой подробнейшим образом разобрал положения Скрижали, опровергая их с позиции противников реформ.

¹⁰ Экземпляры этих изданий не сохранились, и их существование удалось доказать, только проанализировав Архив Приказа книг печатного дела. Например, 1.12.1652 г. вышло 1200 Вечерен, продававшихся по 1 коп. В 1653 г. издано сначала 4000, а затем еще 3000 ставленных поповских дьяконовских и протопоповских грамот, доказывающих активную борьбу Никона за создание своей опоры среди священнослужителей. 20.06.1653 г. вышло еще 1200 «вечерен». Исповедание веры издано 25.03.1658 тиражом 3600 л., и стало по цене 1 коп.; Листы о поклонах вышли 31.05.1657 в количестве 2400 л. Продажные 2290 листов стоили по 5 коп.

Ответом на труд Никиты был «Жезл правления», написанный Симеоном Полоцким по поручению Собора 1666 г., осудившего руководителей противников церковных реформ как еретиков и отлучившего их от Церкви, то есть предавший всех как преступников в руки светской власти.

Книга была крайне актуальна и имела также новый для московской печати характер. Симеон Полоцкий не просто отвечает Никите, а приводит цитаты из его челобитной и их опровергает. Тираж книги – 1200 экземпляров, но потом было допечатано еще 400 книг, а цена на них снижена до 20 алтын (Архив: Кн. 69. Л. 12). Необходимость и важность борьбы с воззрениями Аввакума и его последователей разъяснялась, так же как и иные задачи, всем вновь поставляемым священникам в восьмистраничной книжечке «Поучение святительское к новопоставленному иерею» (1670).

В сложные 1660-е гг. руководители Печатного двора снова обратились к творчеству самых признанных авторитетов. В мае 1665 г. вышло 2400 экземпляров Сборника переводов Епифания Словинецкого, названного на Печатном дворе «Книга Григория Назианзина», в которой опубликованы особенно важные в эти годы тексты Григория Богослова, Василия Великого, Афанасия Александрийского и Иоанна Дамаскина. В 1664–1665 гг. были напечатаны три книги Иоанна Златоуста: актуальный текст в годы отхода тысяч людей от Церкви – книга «О священстве», – а также Беседы на Евангелиста Матфея и на Евангелиста Иоанна. Все эти четыре издания не раскупались. В 1669 г. даже Сборника переводов Епифания Славинецкого 1665 г. на Печатном дворе еще оставалось 1830 из 2400 экземпляров; книгу Иоанна Златоуста «О священстве» вынужден был выкупать царь, и она безденежно раздавалась в епархии. Книга о Священстве была отпечатана двойным тиражом – 2400 экземпляров (Архив: Кн. 69. Л. 86 об.). В 1669 г. на Печатном дворе оставалось еще 1700 этих книг по 16 алтын 2 деньги (49 коп.), и 4 августа 1670 г. царь Алексей Михайлович купил по той же цене 1600 книг (Архив, Кн. 67. Л. 24 об.), которые и были розданы «безденежно».

Возможно, эти издания сознательно продолжали ряд более ранних книг, которые предназначались для бесплатной раздачи всего тиража или большей его части, что гарантировало поступление издания в большинство епархий России. Таким образом, вынужденный отход от издания традиционных текстов, давно вошедших в обиход русского книжника, привел к отказу даже большинства членов церковного клира приобретать новые издания.

Надо подчеркнуть, что задачи борьбы «с раскольниками» на Печатном дворе так или иначе решали во всех выходящих в эти годы книгах: в новом Служебнике 1667 г. было опубликовано решение Церковного собора 1666 г. – Соборный Свиток (1667/1668); в Учебных псалтырях публиковался текст о сложении трех престо́в и т. д.

Как уже говорилось, резкое усиление борьбы, даже ее ожесточение, возникло в связи с расправой над Соловецким монастырем в 1674 г. В свою очередь, эти события потребовали новых полемических изданий. В июле 1677 г. вышло приписываемое патриарху Иоакиму «Извещение чудес о сложении триех первых перстов», должное убедить всех в необходимости только такого перстосложения. Дальнейшие события потребовали оперативной печати, что на Печатном дворе и было выполнено. Во время стрелецкого восстания 1682 г. Поучение патриарха было отпечатано в буквальном смысле за одну ночь. Сразу же за расправой с восставшими, во главе которых снова оказался Никита Суздалец, было опубликовано два издания «Слова на Никиту Пустосвята» патриарха Иоакима, в пространной редакции которого (4°. 30 л.) опубликован текст отречения Никиты от его «заблуждений», принесенного Собору еще в 1667 г. (Зернова, 1958, № 374–375).

Книга Афанасия Холмогорского¹¹ «Увет духовный» – не просто оригинальное произведение, разъясняющее спорные вопросы полемики. Во-первых, она написана простым и, к тому же, во многих случаях близким к разговорному русским языком, рассчитанным на любого грамотного человека; и во-вторых, в книге живо излагаются июльские события в Кремлевских палатах и на площадях Москвы. Напомним, что речь идет о совсем недавних событиях, – «Увет духовный» был напечатан уже в сентябре 1682 года.

Еще одно «Слово» патриарха Иоакима в какой-то степени завершает особенно жестокую и напряженную борьбу: «Слово благодарственное о избавлении церкви от отступников» (октябрь 1683) (Зернова, 1958, № 384) содержит благодарность Господу за сожжение пустозерских мучеников, расправу над участниками московского восстания и казнь Никиты Суздальца.

Далее в 80–90-х гг. XVII в. новых книг, специально направленных против старообрядческой идеологии, на Печатном дворе не выходило. В 1687 и 1696 гг. переиздавали Поучение святительское к новопоставленному иерею, напоминающее о долге каждого священника заботиться о чистоте веры его паствы (Зернова, 1958, № 402, 474).

Новые издания Московского печатного двора, актуальные и оперативные, рассчитанные не только на церковных служителей, но и на широкие круги общества, имели значение только при условии грамотности этих кругов и достаточно быстрой доставки новых изданий в разные области государства. Именно эти цели всегда, даже в самые тяжелые годы финансового кризиса и борьбы с церковным расколом, как удалось доказать, ставил перед собой и успешно решал Государев печатный двор.

¹¹ Об авторе этого произведения до сегодняшнего дня в литературе нет единого мнения, но большинство поддерживает мнение об авторстве Афанасия.

До последней четверти XX в. сплошного исследования Архива Приказа книг печатного дела не было, поэтому большинство ученых считало, что на Печатном дворе «вообще не думали о просвещении» народа, тиражировали «только книги для культа» (Киселев, 1960, сс. 123–143). Эта точка зрения понятна, так как именно книг, используемых для обучения, совсем или почти совсем не сохранилось. Второй причиной широкого распространения вышеизложенного утверждения была даже не принципиальная недооценка, а прямое отрицание историко-культурной роли церковной литературы и непонимание, что именно Часовник (Часослов) и Псалтырь учебная (малая, келейная) и были до рубежа XVII и XVIII вв. для царского и для крестьянского сына учебниками Веры и Грамоты.

Ранее считалось также, что не на Печатном дворе, а в типографии Василия Бурцова была издана первая московская Азбука. Изучение Архива позволило доказать, что Бурцов был «подъячим азбучного дела» на Печатном дворе и именно здесь им были разработаны Азбуки – «Первоначальное учение детям» – и в 1634 г. отпечатаны тиражом до 500 экземпляров две первые московские Азбуки – явно пробные, так как одна из них была отпечатана в «полдесть», то есть в четвертую (4°) долю листа (Архив: Д. 20. Л. 100; Поздеева и др., 2001, с. 407) – форматом, который в XVII в. (до Букваря 1696 г. Кариона Истомина) никогда не употреблялся для этих учебных книг, а вторая – в восьмую долю листа (8°). Обе книжечки были распроданы до конца 7142 г., то есть до 1 сентября 1634 г. После этого Азбука издавалась уже в 8°, и этот формат сохранился для книжечек первоначального обучения грамоте до конца XVII в.

Считалось также, что в России не сохранилось ни одной Азбучки малой или «на листу». Мы знали это самое многотиражное и самое частое издание Печатного двора по экземплярам Бодлеанской библиотеки Оксфорда (Cleminson, Thomas, Radoslavova, & Voznesensky, 2000, с. 145). В последние годы московская Азбука, напечатанная в сентябре 1686 г., была обнаружена в Ярославском музее-заповеднике в конволюте с «Грамматикой доброглаголиваго еллинославенского языка», изданной во Львове в 1591 г. (Поздеева, 2012, № 586) в составе библиотеки епископа Арсения Верещагина.

К сожалению, в прекрасной книге Е. Л. Немировского «Азбуки Ивана Федорова, его учеников и последователей» (Немировский, 2015) не нашлось места для этого единственного издания московской Азбуки, экземпляр которой находится в России. В тексте книги также неправильно указано число изданий Азбуки на МПД в XVII в. – мы имеем далеко не полные сведения о пяти изданиях Азбуки первой половины века и о 51 издании – второй половины. К этому надо добавить два известных издания Букваря первой половины века и девять – второй (Поздеева, 2007, сс. 204–206).

«Азбука на листу» представляла собой действительно текст, напечатанный в восьмую долю на одном листе бумаги. В ряде Азбук полное название

гласит: «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания»; в ее составе молитва в начале всякого дела, собственно азбука из 40 букв, слоги из двух-трех букв по алфавиту согласных и гласных. После них идут сокращенные слова «под титлами» по алфавиту, но наиболее важные для верующего человека. «Число церковное» от 1 до 10 000 и «имена просодиям», в котором приведены без разъяснения названия всех надстрочных и строчных знаков. Судя по найденному экземпляру, в конце книжечки указывали год и месяц издания.

Состав Азбук был различен. К собственно Азбуке добавлялись тексты наиболее важных молитв или образцы речей («орации»), которыми дети должны поздравлять родителей с праздниками – «Азбука с орацеями». Значительно расширенная Азбука называлась Букварем.

Первые известные нам московские Буквари издал в своей типографии Василий Федоров Бурцов (20.08.1634 и 8.02.1637) – первое издание многократно перепечатывалось и сегодня еще служит учебником в старообрядческих школах (Немировский, 2015, сс. 150–163). Азбуки издавались самыми большими тиражами: в первой половине века от 2400 до 6 000 экземпляров (Архив, Д. 39, л. 631 об.; Поздеева и др., 2001, с. 409), а во второй половине – до 14 400.

Азбуки могли печатать на остатках бумаги, так как они были малого формата, поэтому их себестоимость чаще всего равнялась полуденьге (то есть четвертой части копейки), а продажная цена была одна и полторы копейки. Таким образом, купить Азбуку могли многие: по крайней мере, нанятым после пожара 1634 г. убирать мусор на Печатном дворе «ярыжным» платили в день восемь денег.

После усвоения азбучки в России этого времени учились читать по Часовнику (учебному Часослову). Это был вполне объяснимый выбор, так как Часовник включает неизменяемые суточные службы, которые всегда на слуху, и содержит большинство основных постулатов христианства. Эта книга являлась в определенном смысле, вместе с завершающей обучение большинства грамотных русских людей того времени Псалтырью, учебником и веры, и грамоты. С первых лет книгопечатания в Москве издавались Часовники, напечатанные еще Иваном Федоровым в 1565 г.; затем в 1598 г. – Андронником Невежей; в 1601 г. книга была издана еще раз. Затем, уже после восстановления типографии Часовник был напечатан в 1618 и 1628 гг. Однако, являясь обязательной книгой для каждого храма и домашней молитвы, учебником грамоты и веры, Часовники также «зачитывались», и экземпляры многих его изданий не сохранились. То же самое относится и к сохранности Псалтыри, названной прп. Василием Великим «Царь книгой» и «Книгой книг», которая на Печатном дворе также называлась учебной.

В Псалтыри на примере взаимоотношения Всемогущей и Вечной Личности Господа и созданной по его образу и подобию личности человека показаны все

движения, все чувства человеческой души, все их оттенки: Страх Божий, ужас перед наказанием Господа, опасения греха; восторг, восхищение, преклонение перед Господом и любовь к нему. Эта книга обязательно была в каждом грамотном доме, служила инокам, которые в случае невозможности быть на богослужении в храме, читали соответствующее количество псалмов. Псалтырью благословляли молодых, по ней даже гадали; многие знали Псалтырь наизусть, выражения этой книги вошли в народное употребление как мудрые поговорки.

Часовник с первых изданий, судя по послесловиям к книге, предназначался в том числе и для обучения. Эта мысль сформулирована в развернутом послесловии к Часослову 1685 г., которое обращено и к самим детям («чада христоробивые»), и к их родителям. Текст послесловия настолько интересен и точен, что необходимо из него привести значительную цитату: «...вы, родители благочестивые, (сию книгу) яко началоположение жития христианского <...> чадом вашим вручайте ко учению <...> да учащиеся дети письму и чтению, купно обыкнут молитися... Вы же, чада христоробивые, радостно приемлюще ю, тщитесь чести и разумети напечатанная, да и чтуще – молитесь, и молящесь – чтете, ибо молитва – ваше к Богу глаголение, а чтение – Богова к вам беседа». Эти основные мысли, цели и методы одновременно обучения грамоте и воспитания в вере характерны, начиная с Букваря 1634 г. Василия Бурцова, для всех учебных книг XVII в., когда благодаря подбору текстов, была в определенной степени достигнута мечта всех педагогов о единстве образования и воспитания.

Известно, что в первой половине XVII в. на Печатном дворе (вместе с типографией Бурцова) было напечатано пять Азбук и два Букваря, 39 изданий учебного Часовника, 32 – учебной Псалтыри, 7 канонников, также используемых для обучения чтению, то есть 85 изданий¹², отпечатанных не менее чем 100 стандартными тиражами, что составляло более 110 000 экземпляров¹³.

Высшим достижением издания учебной литературы в московской типографии стал выход Грамматики, 1200 экземпляров которой было отпечатано 2 февраля 1648 г. За основу издания была взята книга Мелетия Смотрицкого «Грамматика славенския правильное синтагма», выпущенная в Евье в 1619 г. Московская грамматика была значительно расширена за счет оригинальных текстов, рассказывающих об истории языка, прославляющих значение грамматического знания. Кем-то из московских справщиков был написан, пожалуй,

¹² Поскольку ежегодно находятся экземпляры ранее неизвестных или очень редких Часовников и Канонников (Лизогубов, 2015, сс. 4–9), очевидно, что и эти сведения, и цифры еще будут меняться.

¹³ На 75 известных нам изданий этих книг 1615–1652 гг. приходится 20 дополнительных тиражей, то есть 95 тиражей стандартных (от 1000 до 1200 экземпляров); вполне возможно, что на 85 изданий их было не менее 100, то есть, не менее 110 000 экземпляров.

самый блестящий гимн Грамматике. Этот текст называется: «Похвальная словеса сея блаженныя и святыя книги Грамматика <...> яко бы от лица ея бытии реченными»: «Подобает бо любящим себе, и ищущим мене, честную науку, мудрую Грамматику, с прилежанием внимати. Понеже бо младенцем есть, яко питательница <...> детищем же, яко хранительница <...> отрочатам же, яко быстрозрительная наставница <...> всяко вопрошает и ведатися понуждает. Юношем, яко целомудрию учительница; мужем, яко любимая сожительница; и престаревшимся, яко всечестная собеседница. Купно же всем <...> яко второродительница. Еже к плоти учением слова, и к слову зрением смысла, и к смыслу происхождением действия <...> все мое – учение и умение, и разумение, и умышление, и уложение, и положение, и всякое <...> строение и составление...» (Смотрицкий, 1648, сс. 40–44).

В тексте книги содержались «исчерпывающие для того времени толкования основных четырех частей грамматики – орфографии, этимологии, синтаксиса и просодии», то есть Мелетием Смотрицким была создана научная система грамматики славянского языка (Короткий, 1993, сс. 346–350). Выход Грамматики означал начало аналитического изучения языка, однако очень важно напомнить, что «Наказание ко учителем, како им учити детей...», являющееся, фактически, методическим пособием, было опубликовано в Москве еще в 1645 г. в издании Учебной псалтыри. Эти два принципиально новых для московской печати текста, очевидно, звенья одной цепи – понимания необходимости подготовки грамотных, начитанных людей, остро необходимых для функционирования государства и Церкви.

Чтобы подтвердить тезис, что «первоначальные» учебники издавались постоянно, покажем количество вышедших из печати экземпляров по десятилетиям:

1652–1660 – 24 000;

1661–1670 – 55 200;

1671–1680 – 63 600;

1681–1690 – 74 400;

1691–1700 – 40 800.

Всего за 48 лет издано не менее 258 000 экземпляров азбук. Эта цифра не представляется значительной, так как Я. Е. Водарский определяет общее население России в 1648 г. в 7 млн, а в 1678 году – в 10,5 млн. Однако 9,6 млн из них были крестьяне; 0,5 млн – городские жители, а феодалы, духовенство, чиновники, военные в 1678 г. составляли всего 0,4 млн. Именно на этот слой и были рассчитаны учебные книги, во второй половине XVII в. изданные более чем полумиллионным тиражом. Несомненно, часть посадского населения и даже крестьянских детей также училась, судя по записям на этих книгах, но едва ли это был значительный процент от общего числа. Необходимо иметь в виду, что Я. Е. Водарский говорит о цифрах, возможно, завышенных, а количество

известных нам изданий учебных книг, несомненно, занижено (Водарский, 1973, сс. 27, 29).

Притом, надо помнить, что, несмотря на дешевизну, в большинстве семей азбука служила не одному, а нескольким детям, и очевидно, в эти годы четверти миллиона азбучек, систематически поступавших в продажу, было достаточно.

Еще один учебник, о котором мы уже упоминали, – учебник ратного дела – также был рассчитан на людей грамотных, на военачальников – людей образованных, с аналитическим мышлением, способных применить рекомендации книги Вальхаузена к организации русского войска. В 1699 г. был опубликован краткий учебник ратного строя пеших полков, всего на восьми листах, названный: «Краткое обыкновенное учение с крепчайшим и лучшим растолкованием в строении <...> пеших полков» (Зернова, 1958, № 491), единственный известный экземпляр которого находится в РГБ. Достаточно напомнить историю военных походов Петра I, чтобы понять, насколько актуальна была эта книжечка; ее небольшой объем и название также говорит, что, как и многие издания Московского печатного двора конца XVII в., она рассчитана скорее на грамотного солдата, чем на военачальника.

Государев печатный двор в XVII в. не только издавал, но и распространял новоизданные книги. До начала 1630-х гг. было несколько способов реализации книжной продукции: книги раздавались для продажи в десятки московских торговых рядов, а не только в основное место их продажи – овощной ряд; часть тиражей для реализации по своим направлениям получали приказы. Типографией был организован развоз нововышедших книг по епархиям и городам, откуда книги расходились по монастырям и церквям.

В Архиве приказа книг печатного дела обнаружены сведения о тысячах развезенных по городам экземпляров, таким образом печатная книга достаточно быстро поступала даже в очень отдаленные районы страны. Например, пять книг, напечатанных в период от 5.12.1621 г. до 19.03.1623, то есть за 15 месяцев: Триодь постная – тираж 1020, Минея январская – [1050], Минея на февраль – 1032, Минея ноябрьская – 1004 экземпляра и Апостол – 1065 экземпляров, общим тиражом 5071 книга, – были развезены в 36 городов; в том числе, в 10 городов Поморья и Северо-Восточного края, в 12 городов Северо-Западного края, в низовые волжские города, на Север и Юг Замоскворецкого края и др. От Вологды до Перми Великой, от Холмогор до Чебоксар было развезено 3755 экземпляров пяти новых изданий, то есть более 70% суммарного тиража (Поздеева и др., 2001).

В 1632 г. при Печатном дворе была открыта книготорговая лавка, в которой любой человек мог приобрести книги; все покупатели записывались в приходные книги: имя, социальное положение, место жительства, количество купленных книг и их цена. Через лавку часто реализовывались почти полностью тиражи новых изданий, поэтому мы имеем данные о десятках тысяч покупок,

позволяющие судить, какие именно издания были особенно востребованы, куда книги уходили после покупки в Москве. Эти данные 30–60-х гг. XVII в. изучил В. П. Пушков, который установил, что, например, в 7145 г. (1.09.1636 – 31.08.1637) в лавке было продано 2213 экземпляров различных изданий, приобретенных представителями всех социальных слоев общества; в том числе, люди из служилых сделали 1,6% покупок, из зависимого населения – 4,6%; при этом, представители белого и черного духовенства приобрели 58,7% всех купленных в лавке книг; в том числе, 510 книг было куплено жителями 113 населенных пунктов и монастырей вне Москвы (В. П. Пушков, 2007, с. 94).

Исследовав приходные книги 1662/1664 г. Приказа книг печатного дела исследователи установили, что за 390 торговых дней в результате 3298 покупок было приобретено 3068 экземпляров 15 новых изданий, а покупателями были жители 79 уездов России от Соловков до Чердыни, от Витебска до Вятки, от Киева и Смоленска до Сибири. В лавке Печатного двора за это время были куплены: 861 Библия 1663 г., 268 Требников, 400 Учебных псалтырей, 100 Часовников, 287 экземпляров Минеи общих, 206 Канонников, 800 Святцев и т. д. (В. П. Пушков & А. В. Пушков, 2007, сс. 219–240).

Дешевые учебные книги, издания малого формата, чаще всего не сохранившиеся до наших дней, раскупались в лавке Печатного двора молниеносно, несомненно для последующей перепродажи. «Во 157-м году было напечатано шесть тысяч Азбук ценою по две деньги за Азбуку. А тех Азбук продано всякого чину людям две тысячи восемьсот восемьдесят Азбук по две деньги. да тех же Азбук в 158 году отдано Володимеру Борзово¹⁴ две тысячи девятьсот Азбук» (Архив, Д. 39, л. 631 об.). 29 апреля 1662 г., судя по Приходной книге книготорговой лавки, за один день было приобретено: 580 экземпляров Вечерен по 2 алтына 4 деньги (8 коп.); 888 «Святцев на листу» – по 2 алтына (6 коп.) и 2880 Азбук – по 6 денег (В. П. Пушков, 2003, сс. 167–168).

Чтобы выяснить, как быстро московские издания в XVII в. достигали отдаленных окраин России, Археографической лабораторией истфака МГУ были проведены описания кириллических памятников в современных хранилищах Тверской области, Ростово-Ярославской земли и Пермского края и изданы Каталоги этих собраний. В Каталогах историческая информация описаний почти 3000 экземпляров печатной кириллической книги XVI–XVII вв. структурирована в 10–11 аннотированных указателях. Эти материалы доказывают, что новоизданные книги Московского печатного двора в достаточно краткие сроки достигали даже таких отдаленных мест, как Тобольск, Чердынь, Пермь и Соликамск.

¹⁴ Владимир Борзово – гость, а позднее сотрудник Приказа книг печатного дела.

Записи на книгах подтверждают, что московские издания разными путями доставлялись в сотни церквей и десятки монастырей всех регионов России. Более того, выявленное и описанное территориальное собрание Ростово-Ярославской земли (около полутора тысяч книжных памятников) оказалось репрезентативным относительно и местной, и российской книжной культуры, и позволило показать, что во второй половине XVII в. (не позднее третьей четверти) уже сложился книжный рынок не только московских изданий, но и других славянских типографий, обслуживающий, по крайней мере, всю европейскую часть России, Пермскую землю и Урал.

На Тверской земле обнаружены издания 21 типографии 12 городов славянского мира, которые бытовали в 38 монастырях, 84 церквях всех уездов Тверской земли. В Перми найдены издания восьми городов и 12 типографий, принадлежавшие представителям всех сословий, но среди пермских владельцев и читателей было особенно много крестьян, работников заводов, низшего клира. В записях упомянуто около 1100 человек, а книги ранее находились в большинстве селений даже столь далекого края, как округа Чердыни.

В Ростово-Ярославских хранилищах описано 1404 экземпляра кириллических изданий 1453–1700 гг., которые вышли со станов типографий 14 городов. Только в именном указателе к каталогу второй половины века названо 1800 персоналий. Географический указатель доказывает принадлежность книг фактически всем заметным поселениям этого региона XVII в. Например, книги, изданные во второй половине XVII в., принадлежали 54 населенным пунктам, 14 монастырям и 58 церквям Ростова и Ростовского уезда; близкая картина наблюдается и в иных уездах этого региона России (Поздеева, 2012, Географический указатель).

В. П. Пушков детально проанализировал последние приходные книги типографской лавки за 1661–1664 гг. В это время продавались книги 16 изданий (Зернова, 1958, № 290–305): девять изданий тиражом 1200 и семь – 2400 экземпляров, то есть общим тиражом 28 800 экземпляров. В эти годы 1901 покупатель приобрел в лавке 10 535 экземпляров этих изданий. В качестве места проживания они называли Москву, московскую округу и еще 88 городов, уездов и монастырей. Среди покупателей, как и ранее, более всего было людей из Поморья и северных земель. Причем основными покупателями в эти годы являются представители светских кругов (В. П. Пушков, 2003, сс. 172–173).

Таким образом, можно утверждать, что Московское государственное издательство, превращенное в XVII в. в хорошо организованную, современно для того времени оснащенную мануфактуру, издавало книги, необходимые для богослужения, обучения грамоте и вере, собирания и укрепления государства и власти царя, опровержения инакомыслия, знания святоотеческих, русских и славянских памятников богословской и политической мысли, а также необхо-

димые на все эти случаи книги Священного Писания. Нововышедшие издания редко залеживались на Печатном дворе, а достаточно быстро и в больших по тому времени количествах доставлялись во все концы государства, становились действенным фактором развития Российской государственности, культуры и духовной жизни.

Исследование Архива приказа книг печатного дела позволило значительно расширить репертуар изданий второй половины XVII в.: вышло 410 изданий 84 типов книг общим тиражом 1 012 430 экземпляров (см. таблицу ниже). Типография обладала широкими возможностями, значительным количеством шрифтов (10 строк набора с 10 шпациями (пробелами) были равны от 49 мм (56 строк на полосе) – для мелкого набора – до 59, 60, 76, 85, 173 и даже 254 мм при 16 строках на полосе книги *in folio* (1°); талантливыми художниками и граверами создавались книжные иллюстрации, многочисленные орнаменты, подчеркивающие и украшающие тексты. Духовные и государственные потребности общества и печатная книга, способная во многом их удовлетворить, создают условия для возникновения общероссийского, а затем и общеславянского книжного рынка, почти одновременно с рынком хлебным.

Таблица 1. Издание книг на Московском печатном дворе 1652–1700 гг.

Характер издания по основной функции	Количество типов книг, %		Количество изданий, %		Количество стандартных тиражей	Количество экземпляров, %		Среднее количество экземпляров в год (за 49 лет)
Писание	3	3,57%	23	5,61%	27	31 160	3,08%	636
Для обучения	7	8,33%	143	34,88%	447	536 420	52,98%	10 947
Для богослужения	35	41,67%	170	41,46%	247	293 650	20%	5 993
Учительные	35	41,67%	54	13,17%	78	93 000	9,25%	1 910
Справочные (+ Кормчая)	4	4,76%	19+1	4,88%	48	57 600	5,69%	1 176
Всего	84	100%	410	100%	847	1 012 430	100%	20 662

Во второй половине века количество станов в типографии, почти всегда, оставалось постоянным: 12 станов обычной и один – мелкой печати.

Сохранились и документы о количестве обслуживающих каждый стан работников, работавших в две смены: двух наборщиков, руководивших всей работой станов, четырех тередорщиков, четырех батырщиков и двух разборщиков. То есть непосредственно печатный стан при его работе обслуживало 11 человек, а всего работников станов могло быть до 143 человек.

Четкая организация работы, контроль за качеством набора и печати, персональная ответственность за брак, установленные обязанности каждого работ-

ника; строгая регламентация труда, социальные привилегии тем, кто работает на Печатном Дворе (например, неподсудность никому, кроме своих начальников), поддержка вдов, выкуп долговых обязательств, компенсации сотрудникам, потерявшим здоровье на работе или имущество от стихийных бедствий и частых пожаров, отпуск для поклонения святым местам; и, главное, регулярная заработная плата, – сначала в двух формах: деньгами и зерном, а затем вместо зерна деньгами выдавалась его стоимость по цене хлеба на рынке.

Стать работником типографии было непросто: сначала человек работал в качестве «прибылого», затем необходимо было получить рекомендацию сотрудников, которые брали на себя ответственность, поручившись, что новый сотрудник будет: «...никаким воровством не промышлять и над государевой казною никаких хитростей не учинять» и т. д. Существовала даже специальная тетрадь поручных записей 1655–1676 гг. (Архив, О. III, д. 24, л. 1–10б; Оп. I, д. 69, л. 260–262; Поздеева и др., 2011, сс. 116–117, 121–122). Часть работающих на Печатном дворе – люди далеко не бедные, имевшие собственные торговые лавки, они отлучались в рабочее время «по своим делам», нанимая людей «на замену».

В конце века стали выдавать припасы на каждое издание, ведя этим выдачам строгий учет. Было введено и еще много новшеств, призванных повысить качество изданий и интенсивность работы. Важнейшим из них стала работа «наймом» «по уговору» или «подрядным делом». Наборщик получал заказ: что и в каком количестве напечатать, необходимые для этого припасы; собирал команду и работал с ней; по уговору за каждый печатный лист тиража платили оговоренную плату. Таким образом были напечатаны десятки тысяч экземпляров азбук, букварей, грамот и других, как правило, небольших изданий.

Значительно изменилась политика составления печатного репертуара московской типографии: стали печатать больше книг для домашней молитвы, для новых церквей, где еще не было постоянной службы, для походных церквей. Печатались тексты отдельных служб на важнейшие дни церковного года, например: Служба пасхальная («Восследование в неделю пасхи»), изданная в 1690 г. (Зернова, 1958, № 423), и другие издания, позволяющие провести богослужение при отсутствии полного круга необходимых книг в новоосвященных церквях в пограничных районах, в домовых храмах, – например, канонники, содержащие каноны основных праздников и наиболее почитаемых святых, и Псалтыри с восследованием, соединившие тексты Псалтыри, Часослова и Канонника; по этой Псалтыри ведут службу и сегодня многие общины старообрядцев-беспоповцев.

Новым было и самостоятельное издание служб (часто с житиями и чудесами) наиболее популярным в России святым: Николаю чудотворцу (в XVII в. издана восемь раз), прпп. Сергию и Никону Радонежским, прп. Савве Сторожевскому, Алексею – человеку Божию. Особое значение приобрели новые формы изданий

(о многочисленных изданиях грамот мы уже упоминали): Никон в первые же годы напечатал несколько тысяч священнических и дьяконовских ставленных грамот, стараясь создать себе верную опору среди священства; сотни жалованных грамот на Печатном дворе были изданы в первые годы правления Петра Алексеевича – за воинскую службу, за участие в важнейших военных походах, даже детям – за службы их отцов. Так, Петр I создавал свою опору в служилом дворянстве (Лукьянова, 2003, сс. 216–219).

Пожалуй, самым интересным было появление «печатных листов» (то есть современных настенных плакатов), посвященных важным справочным текстам – Святцы на кругах, Часы на кругах (Симонов & Хромов, 2006, сс. 19–34), – наиболее значимых с точки зрения полемики с противниками церковных реформ: Листы о поклонах, Символ веры «на листу» и др. Насколько эти листы вызывали раздражение противников, говорит факт объявления анонимной анафемы (самого страшного церковного наказания – необратимого отлучения от церкви) и проклятия за то, что в самом Чудове монастыре в Кремле дегтем кто-то замазал висящий на стене церкви «Лист о поклонах», объясняющий отказ от «метаний» (земных поклонов во время богослужения).

На Печатном дворе строго следили за состоянием станков и шрифтов. В Архиве постоянно подробно говорится о замене износившихся станковых деталей, переплавке использованных шрифтов и т. д.

Начальники Печатного двора много делали для закупки необходимых справщикам книг, прежде всего греческих и славянских изданий и книг на иностранных языках, для исправления текстов и подготовки новых оригиналов для печати. Для этой же цели в Грецию был послан Арсений Суханов, привезший в Москву ранние рукописные греческие тексты многих издаваемых книг (Фонкич, 1979, сс. 68–100).

И до, и после непродуманной и не всегда грамотной, слишком поспешной sprawy патриарха Никона, ставшей одной из основных причин раскола Русской православной церкви, во второй половине XVII в. справа книг на Печатном дворе велась специальной группой опытных и грамотных сотрудников, тексты разного времени и на разных языках сверяли, привлекая ранние издания и рукописи. Выводы комиссии докладывались церковным властям, обсуждались, и только после этого можно было вносить изменения в оригинал текста для нового набора. За несогласованную правку строго наказывали: например, «отставили» одного из наиболее грамотных справщиков – инока Чудова монастыря Евфимия (через некоторое время он по просьбе других справщиков был возвращен на Печатный двор) (Архив, д. 90, л. 91; Поздеева и др., 2011, с. 307).

На Печатном дворе постоянно заботились о пополнении библиотеки: сначала для нее устроили специальные сундуки, а затем и отдельное помещение – «книгохранительную палату». Из каждого вышедшего тиража для подготовки

следующих изданий в книгохранительную палату передавали один экземпляр; хранили так же и «кавычные» книги, то есть экземпляры с внесенной в них правкой. В книгохранительной палате были книги на многих языках, их переплетали, реставрировали, проверяли. В 60-х–90-х годах XVII в. постоянно сообщается о приобретении, покупке, дарении книг на Печатный двор (Архив, д. 60, 69, 73; Опись III, д. 311 и др.).

Печатный двор не работал в праздничные дни, в том числе и в памятные дни династии Романовых. В году насчитывалось до 100 нерабочих дней (так в 1664 г. в документах названы 116 «прощеных» дней) (Архив, д. 67, л. 1–3об.), но когда было необходимо, типография была чрезвычайно оперативна – книги выпускали буквально сразу же после событий, в этих изданиях описанных.

Развитие московского книгопечатания объяснялось, прежде всего, двумя причинами. Первая – постоянное внимание руководителей Российского государства и Церкви, видевших в деятельности Печатного двора важнейший инструмент решения многих политических и идеологических задач. Вторая причина – работа на Печатном дворе элиты российского общества своего времени: людей, представляющих и «русофилов», и «западников», равно ищущих новые идеи, задачи, методы и организационные и технические новшества.

Уже с 30–40-х гг. XVII в. Московский печатный двор – центр развития русской культуры и образования; именно при Печатном дворе в 1681 г. начинает функционировать типографская школа, для которой выстроена и обустроена «Школьная палата». Опыт этой школы, ее учителя и воспитанники, даже имущество школы были переданы Славяно-Греко-Латинской академии.

Все это и позволило Печатному двору, следуя веками сложившимся традициям книжной культуры, снабжать русские храмы необходимой богослужебной книгой – и привычными ее типами, и новыми изданиями; печатая традиционные сборники постоянного состава уставных чтений, перейти к актуальным и отвечающим новым потребностям компендиумам; обслуживать растущие государственные потребности управления страной; отвечать на актуальные нужды изменяющейся внутренней и внешней ситуации.

Опорой новой Российской империи должны были стать грамотные и активные люди, именно эту задачу и решал в конце XVII в. Московский печатный двор, помогавший подготовить грамотного человека, грамотного офицера, моряка, чиновника и торговца – граждан новой России. На Печатном дворе были созданы интеллектуальные, технические и организационные условия принципиального изменения книгопечатания, которые были использованы государством в XVIII в., наступившем по указу Петра Великого 1 января 1700 г.

Источник

Архив приказа книг печатного дела. РГАДА. Фонд 1182. Оп. I и III. (Указывается только Описание III, так как почти всегда указанные дела архива находятся в Описи I. Всегда указывается номер Дела и лист / листы, содержащие данный материал).

Bibliography

- Cleminson, R., Thomas, C., Radoslavova, D., & Voznesensky, A. (Eds.). (2000). *Cyrillic books printed before 1701 in British and Irish collections: A union catalogue*. London: British Library.
- Агеева, Е. А., Кобяк, Н. А., & Круглова, Т. А. (Сomp.). (1994). Указатель названий сочинений и книг. In Е. А. Агеева, Н. А. Кобяк, & Т. А. Круглова, *Рукописи Верхотамья XV–XX вв.* Москва: „Цимелия”.
- Водарский, Я. Е. (1973). *Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.)*. Москва: Просвещение.
- Вознесенский, А. В. (2010). *К истории славянской печатной псалтыри*. Москва: Альянс-Архео.
- Вознесенский, А. В., & Медведева, Е. М. (2013). *Московские издания первой половины XVII века в собрании отдела редких книг Всероссийской национальной библиотеки* (Pt. 1, 1601–1620: Каталог). Санкт-Петербург.
- Гадалова, Г. С., Перелевская, Е. В., & Цветкова, Т. В. (2002). *Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI век – 1725 г.)*. Тверь: Лилия принт.
- Грицевская, И. В. (2007). Патристика в репертуаре Московского печатного двора дореформенного периода. In *Федоровские чтения 2007* (pp. 268–295). Москва.
- Грицевская, И. В., & Курзина, Е. С. (2007). Издания Московского печатного двора в системе древнерусской книжности. In *Федоровские чтения 2007*. Москва.
- Гусева, А. А. (1990). Список разыскиваемых изданий XVII в., не вошедших в Сводный каталог А. С. Зерновой *Книги кириллической печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.* In А. А. Гусева, *Работа с редкими и ценными изданиями: Метод. Рекомендации* (pp. 79–94). Москва: Госуд. библиотека им. В. И. Ленина.
- Гусева, А. А. (2003). *Издания кирилловской печати второй половины XVI века: Сводный каталог*. Москва.
- Дадыкин, А. В. (2001). О производстве и распространении первых двух изданий Прологов на Московском печатном дворе (по данным Архива приказа книгопечатного дела). In И. В. Поздеева, В. П. Пушков, & А. В. Дадыкин, *Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации* (pp. 117–156). Москва: Мосгорархив Москва.
- Дадыкин, А. В. (2003). Издание книги Пролог на Московском Печатном дворе в третьей четверти XVII в. In *Федоровские чтения 2003* (pp. 176–196). Москва.

- Демин, А. С. (1978). Первые издания пролога и культурные потребности русского общества в 1630–1640-х годах. In А. С. Демин (Ed.), *Литературный сборник XVII века: Пролог* (pp. 54–75). Москва: „Наука” [*Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.)*].
- Державина, О. А. (1978). Социальные и исторические темы в пятом издании Пролога. In А. С. Демин (Ed.), *Литературный сборник XVII века: Пролог* (pp. 107–131). Москва: „Наука” [*Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.)*].
- Елеонская, А. С. (1978). Политические цели второго издания Пролога 1642–1643 гг. In А. С. Демин (Ed.), *Литературный сборник XVII века: Пролог* (pp. 76–98). Москва: „Наука” [*Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.)*].
- Зернова, А. С. (1958). *Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI и XVII веках: Сводный каталог*. Москва: Библиотека СССР им. В. И. Ленина (Отсылки к номерам изданий).
- Капица, Ф. С. (2007). Редакционная программа старопечатного Пролога. In *Федоровские чтения 2007*. Москва.
- Киселев, Н. П. (1960). О московском книгопечатании XVII в. In *Книга: Исследования и материалы* (Сб. 2, pp. 123–186). Москва.
- Коган, М. Д. (1993). Кириллова Книга. In *Словарь книжников и книжности Древней Руси* (Vol. 3/2, XVII в., pp. 163–165). Санкт-Петербург.
- Короткий, В. Г. (1993). Мелетий (в миру Мелетий Герасимович Смотрицкой). In *Словарь книжников и книжности Древней Руси: XVII в.* (Pt. 2, Ч-О). Санкт-Петербург.
- Кочетков, И. А. (Ed.). (2003). *Словарь русских иконописцев XI–XVII веков*. Москва.
- Лебедь, М. А. (2011). Русские службы в составе первого московского печатного круга Службных миней. In *Язык, книга и культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе: Труды III Международной научной конференции* (pp. 191–212). Москва.
- Лизогубов, Р. А. (2015). *Книги кириллической печати в моем собрании* (Pt. 2). Москва: Инскрипт.
- Лукьянова, Е. В. (2003). Листовые издания Московского Печатного двора во второй половине XVII в. In *Федоровские чтения 2003*. Москва.
- Немировский, Е. Л. (2015). *Азбуки Ивана Федорова, его учеников и последователей*. Москва: Снег.
- Опарина, Т. А. (1987). Просветитель литовский – неизвестный памятник идеологической борьбы XVII в. In *Литературная и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России* (pp. 43–57). Новосибирск: „Наука”.
- Поздеева, И. В. (1980). *Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора. Первая половина XVII в.: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Методические рекомендации*. Москва.
- Поздеева, И. В. (1996). Первые Романовы и царистская идея (XVII в.). *Вопросы истории*, (1), 41–52.
- Поздеева, И. В. (Ed.). (2003a). *Кириллические издания XVI–XVII вв. в хранилищах Пермской области: Каталог*. Пермь: Перм. кн. изд-во.

- Поздеева, И. В. (2003b). Слово богослужения и этноконфессиональное сознание русского населения. *Традиции и современность*, (2), 29–40.
- Поздеева, И. В. (Ed.). (2004). *Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1493–1652): Каталог*. Ярославль.
- Поздеева, И. В. (2007). Издания Московского Печатного двора для обучения вере и грамоте 1652–1700 гг. In *Федоровские чтения 2007*. Москва.
- Поздеева, И. В. (Ed.). (2012). *Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652–1700): Каталог*. Ярославль: „Яр”.
- Поздеева, И. В. (Ed., with Чуванов, М. И.). (1981). *Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог*. Москва.
- Поздеева, И. В., & Турилов, А. А. (2001). «Тетрати..., печатаны в Казане» (к истории и предистории казанской типографии XVI в.). *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, (2), 37–49.
- Поздеева, И. В., Пушков, В. П., & Дадыкин, А. В. (2001). *Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации*. Москва: Мосгорархив.
- Поздеева, И. В., Пушков, В. П., & Дадыкин, А. В. (2011). *Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700: Исследования и публикации*. Москва: „Наука”.
- Починская, И. В. (2012). *Книгопечатание московского государства второй половины XVI– начала XVII веков в отечественной историографической концепции: проблемы, гипотезы*. Екатеринбург.
- Пушков, В. П. (2003). Книжный рынок Москвы в начале 60-х годов XVII в. (по материалам архива Приказа книгопечатного дела. In *Федоровские чтения 2003*. Москва.
- Пушков, В. П., & Пушков, А. В. (2007). Опыт построения и использования Базы данных „Книжный рынок Москвы 1662–1664”. In *Федоровские чтения 2007*. Москва.
- Робинсон, А. Н. (1971). Зарубежные концепции авторского стиля в украинской и русской литературе конца XVI–XVII веков (Иван Виленский, Аввакум, Симеон Полоцкий). In А. Н. Робинсон, *Русская литература на рубеже двух эпох (XVII– нач. XVIII вв.)*. Москва: „Наука”.
- Симонов, Р. А., & Хромов, О. Р. (2006). Часы на кругах – наиболее раннее точно датированное 1663 годом листовое издание Московского печатного двора. *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, (3(25)), 19–34.
- Смотрицкий, М. (1648). *Грамматика*. Москва: Печатный двор. (02.П.1948, ОРКиР НБ МГУ. 9Ег7 Инв. 953-20-69).
- Тихомиров, М. Н. (1968). *Начало книгопечатания в России*. In *Русская культура X–XVII веков*. Москва.
- Фонкич, Б. Л. (1979). *Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России*. Москва: „Наука”.
- Шустова, Ю. Э. (2005). Проблема комплексного источниковедческого исследования предисловий и послесловий изданий Львовской братской типографии XVI–XVII веков. In *Федоровские чтения 2005* (pp. 231–237). Москва.

Bibliography (transliteration)

- Ageeva, E. A., Kobiak, N. A., & Kruglova, T. A. (Comp.). (1994). Ukazatel' nazvaniĭ sochineniĭ i knig. In E. A. Ageeva, N. A. Kobiak, & T. A. Kruglova, *Rukopisi Verkhokam'ia XV–XX vv.* Moskva: „TSimeliia”.
- Cleminson, R., Thomas, C., Radoslavova, D., & Voznesensky, A. (Eds.). (2000). *Cyrillic books printed before 1701 in British and Irish collections: A union catalogue.* London: British Library.
- Dadykin, A. V. (2001). O proizvodstve i rasprostraneniĭ pervykh dvukh izdaniĭ Prologov na Moskovskom pechatnom dvore (po dannym Arkhiva prikaza knigopechatnogo dela). In I. V. Pozdeeva, V. P. Pushkov, & A. V. Dadykin, *Moskovskiiĭ pechatnyiĭ dvor – fakt i faktor russkoĭ kul'tury. 1618–1652 gg.: Ot vosstanovleniia posle gibeli v Smutnoe vremia do patriarkha Nikona: Issledovaniia i publikatsii* (pp. 117–156). Moskva: Mosgorarkhiv Moskva.
- Dadykin, A. V. (2003). Izdanie knigi Prolog na Moskovskom Pечатnom dvore v treteĭ chetverti XVII v. In *Fedorovskie chteniia 2003* (pp. 176–196). Moskva.
- Demin, A. S. (1978). Pervye izdaniia prologa i kul'turnye potrebnosti russkogo obshchestva v 1630–1640-kh godakh. In A. S. Demin (Ed.), *Literaturnyiĭ sbornik XVII veka: Prólog* (pp. 54–75). Moskva: „Nauka” [*Russkaia staropechatnaia literatura (XVI – pervaiia chetvert' XVIII v.)*].
- Derzhavina, O. A. (1978). Sotsial'nye i istoricheskie temy v piatom izdaniĭ Prologa. In A. S. Demin (Ed.), *Literaturnyiĭ sbornik XVII veka: Prólog* (pp. 107–131). Moskva: „Nauka” [*Russkaia staropechatnaia literatura (XVI – pervaiia chetvert' XVIII v.)*].
- Eleonskaia, A. S. (1978). Politicheskie tseli vtorigo izdaniia Prologa 1642–1643 gg. In A. S. Demin (Ed.), *Literaturnyiĭ sbornik XVII veka: Prólog* (pp. 76–98). Moskva: „Nauka” [*Russkaia staropechatnaia literatura (XVI – pervaiia chetvert' XVIII v.)*].
- Fonkich, B. L. (1979). *Grechesko-russkie kul'turnye sviazi v XV–XVII vv.: Grecheskie rukopisi v Rossii.* Moskva: „Nauka”.
- Gadalova, G. S., Perelevskaia, E. V., & TSvetkova, T. V. (2002). *Kirillicheskie izdaniia v khranilishchakh Tverskoĭ zemli (XVI vek – 1725 g.)*. Tver': Liliia print.
- Gritsevskaia, I. V. (2007). Patristika v repertuare Moskovskogo pechatnogo dvora doreformennogo perioda. In *Fedorovskie chteniia 2007* (pp. 268–295). Moskva.
- Gritsevskaia, I. V., & Kurzina, E. S. (2007). Izdaniia Moskovskogo pechatnogo dvora v sisteme drevnerusskoĭ knizhnosti. In *Fedorovskie chteniia 2007*. Moskva.
- Guseva, A. A. (1990). Spisok razyskivaemykh izdaniĭ XVII v., ne voshedshikh v Svodnyiĭ katalog A. S. Zernovoĭ *Knigi kirillicheskoĭ pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vv.* In A. A. Guseva, *Rabota s redkimi i tsennymi izdaniiami: Metod. Rekomendatsii* (pp. 79–94). Moskva: Gosud. biblioteka im. V. I. Lenina.
- Guseva, A. A. (2003). *Izdaniia kirillovskoĭ pechati vtoroĭ poloviny XVI veka: Svodnyiĭ katalog.* Moskva.
- Kapitsa, F. S. (2007). Redaktsionnaia programma staropechatnogo Prologa. In *Fedorovskie chteniia 2007*. Moskva.
- Kiselev, N. P. (1960). O moskovskom knigopechatanii XVII v. In *Kniga: Issledovaniia i materialy* (Sb. 2, pp. 123–186). Moskva.

- Kochetkov, I. A. (Ed.). (2003). *Slovar' russkikh ikonopistsev XI–XVII vekov*. Moskva.
- Kogan, M. D. (1993). Kirillova Kniga. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* (Vol. 3/2, XVII v., pp. 163–165). Sankt-Peterburg.
- Korotkiĭ, V. G. (1993). Meletii (v miru Meletii Gerasimovich Smotriskoĭ). In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi: XVII v.* (Pt. 2, Ch-O). Sankt-Peterburg.
- Lebed', M. A. (2011). Russkie sluzhby v sostave pervogo moskovskogo pechatnogo kruga Sluzhebnykh mineĭ. In *IAzyk, kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ia v zhizni svoego vremeni, v nauke, muzeinoĭ i bibliotechnoi rabote: Trudy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (pp. 191–212). Moskva.
- Lizogubov, R. A. (2015). *Knigi kirillicheskoĭ pečati v moem sobranii* (Pt. 2). Moskva: Inskript.
- Luk'ianova, E. V. (2003). Listovye izdaniia Moskovskogo Pечатnogo dvora vo vtoroi polovine XVII v. In *Fedorovskie chteniia 2003*. Moskva.
- Nemirovskii, E. L. (2015). *Azbuki Ivana Fedorova, ego uchenikov i posledovatelei*. Moskva: Sneg.
- Oparina, T. A. (1987). Prosvetitel' litovskii – neizvestnyiĭ pamiatnik ideologicheskoi bor'by XVII v. In *Literaturnaia i klassovaia bor'ba ėpokhi pozdnego feodalizma v Rossii* (pp. 43–57). Novosibirsk: „Nauka”.
- Pochinskaia, I. V. (2012). *Knigopechatanie moskovskogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI – nachala XVII vekov v otechestvennoi istoriograficheskoi kontseptsii: problemy, gipotezy*. Ekaterinburg.
- Pozdeeva, I. V. (1980). *Novye materialy dlia opisaniia izdaniĭ Moskovskogo pechatnogo dvora. Pervaia polovina XVII v.: V pomoshch' sostaviteliam Svodnogo kataloga staropechatnykh izdaniĭ kirillovskogo i glagolicheskogo shriftov: Metodicheskie rekomendatsii*. Moskva.
- Pozdeeva, I. V. (1996). Pervye Romanovy i tsaristskaia ideia (XVII v.). *Voprosy istorii*, (1), 41–52.
- Pozdeeva, I. V. (Ed.). (2003a). *Kirillicheskie izdaniia XVI–XVII vv. v khranilishchakh Permskoĭ oblasti: Katalog*. Perm': Perm. kn. izd-vo.
- Pozdeeva, I. V. (2003b). Slovo bogosluženiiia i ėtnokonfessional'noe soznanie russkogo naseleniia. *Traditsii i sovremennost'*, (2), 29–40.
- Pozdeeva, I. V. (Ed.). (2004). *Kirillicheskie izdaniia v khranilishchakh Rostovo-IAroslavskoi zemli (1493–1652): Katalog*. IAroslavl'.
- Pozdeeva, I. V. (2007). Izdaniia Moskovskogo Pечатnogo dvora dlia obucheniiia vere i gramote 1652–1700 gg. In *Fedorovskie chteniia 2007*. Moskva.
- Pozdeeva, I. V. (Ed.). (2012). *Kirillicheskie izdaniia v khranilishchakh Rostovo-IAroslavskoi zemli (1652–1700): Katalog*. IAroslavl': „IAr”.
- Pozdeeva, I. V. (Ed., with Chuvanov, M. I.). (1981). *Kollektsiia staropechatnykh knig XVI–XVII vv. iz sobraniia M. I. Chuvanova: Katalog*. Moskva.
- Pozdeeva, I. V., & Turilov, A. A. (2001). *Tetrati..., pečatany v Kazane* (k istorii i predistorii kazanskoĭ tipografii XVI v.). *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, (2), 37–49.
- Pozdeeva, I. V., Pushkov, V. P., & Dadykin, A. V. (2001). *Moskovskii Pечатnyiĭ dvor – fakt i faktor russkoĭ kul'tury. 1618–1652 gg.: Ot vosstanovleniia posle gibeli v Smutnoe vremia do patriarkha Nikona: Issledovaniia i publikatsii*. Moskva: Mosgorarkhiv.
- Pozdeeva, I. V., Pushkov, V. P., & Dadykin, A. V. (2011). *Moskovskii Pечатnyiĭ dvor – fakt i faktor russkoĭ kul'tury. 1652–1700: Issledovaniia i publikatsii*. Moskva: „Nauka”.

- Pushkov, V. P. (2003). Knizhnyĭ rynek Moskvy v nachale 60-kh godov XVII v. (po materialam arkhiva Prikaza knigopechatnogo dela). In *Fedorovskie chteniia 2003*. Moskva.
- Pushkov, V. P., & Pushkov, A. V. (2007). Opyt postroeniia i ispol'zovaniia Bazy dannykh „Knizhnyĭ rynek Moskvy 1662–1664”. In *Fedorovskie chteniia 2007*. Moskva.
- Robinson, A. N. (1971). Zarubezhnye kontseptsii avtorskogo stilia v ukrainskoĭ i russkoĭ literature kontsa XVI–XVII vekov (Ivan Vilenskiĭ, Avvakum, Simeon Polotskiĭ). In A. N. Robinson, *Russkaia literatura na rubezhe dvukh ėpokh (XVII– nach. XVIII vv.)*. Moskva: „Nauka”.
- Shustova, I. Ė. (2005). Problema kompleksnogo istochnikovedcheskogo issledovaniia predisloviĭ i poslesloviĭ izdaniĭ L'vovskoĭ bratskoĭ tipografii XVI–XVII vekov. In *Fedorovskie chteniia 2005* (pp. 231–237). Moskva.
- Simonov, R. A., & Khromov, O. R. (2006). *Chasy na krugakh – naibolee rannee tochno datirovannoe 1663 godom listovoe izdanie Moskovskogo pechatnogo dvora. Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, 3(25), 19–34.
- Smotritskiĭ, M. (1648). *Grammatika*. Moskva: Pечатnyĭ dvor. (02.II.1948, ORKiR NB MGU. 9Er7 Inv. 953-20-69).
- Tikhomirov, M. N. (1968). Nachalo knigopechataniia v Rossii. In *Russkaia kul'tura X–XVII vekov*. Moskva.
- Vodarskiĭ, I. E. (1973). *Naselenie Rossii za 400 let (XVI – nachalo XX vv.)*. Moskva: Prosveshchenie.
- Voznesenskiĭ, A. V. (2010). *K istorii slavianskoĭ pechatnoĭ psaltyri*. Moskva: Al'ians-Arkheo.
- Voznesenskiĭ, A. V., & Medvedeva, E. M. (2013). *Moskovskie izdaniia pervoi poloviny XVII veka v sobranii otdela redkikh knig Vserossiĭskoĭ natsional'noi biblioteki* (Pt. 1, 1601–1620: Katalog). Sankt-Peterburg.
- Zernova, A. S. (1958). *Knigi kirillovskoĭ pechati, izdannye v Moskve v XVI i XVII vekakh: Svodnyi katalog*. Moskva: Biblioteka SSSR im. V. I. Lenina (Otsylyki k nomeram izdaniĭ).

Московский печатный двор XVII в.: между средневековьем и Новым временем

Резюме

Становление московского книгопечатания было прервано в годы Смуты и восстановлено в 1614/1615 гг., получив в XVII в. непрерывное развитие и в техническом, и в историко-культурном отношении. Для управления Печатным двором был создан Приказ книг печатного дела, сохранившийся архив которого всесторонне освещает работу типографии. В статье сделана попытка на основании сплошного исследования документов Архива представить деятельность Печатного двора в 1615–1700 гг.: характер репертуара (анализируется 632 издания, вышедших в свет согласно материалам Архива, вместо 469 сохранившихся

и учтённых в каталоге А. С. Зерновой (№ 30–498)), его изменения в зависимости от внутреннего и внешнего положения государства, а также впервые точно установленные тиражи книг, их себестоимость и указную цену. По документам Архива и по записям на книгах установлены социальный и географический аспекты распространения десятков тысяч вновь напечатанных московских книг; это позволило доказать, что печатная книга уже во второй трети XVII в. стала реальным фактором развития большинства регионов России, а в середине века сложился и общеславянский книжный рынок.

Для анализа репертуара предложено разделить всей вышедшей печатной продукции на пять типов по их основной функции, издание книг прослеживается в течение века; анализируется также их значение в становлении и укреплении династии Романовых, в развитии российской государственности. Это:

- Книги Священного писания – Четвероевангелие и Апостол, первое издание Библии (Москва 1663 г.);
- Издания учительного характера уставных и неуставных чтений, как традиционных для рукописной книжности, так и нового типа;
- Издания для общественного и частного богослужения, тексты которых сопровождали жизнь каждого человека, деятельность государственных учреждений и правительства.

Исследование Архива позволило убедительно пересмотреть долгое время господствовавшую в науке концепцию, утверждавшую, что в Москве не печатали книг для просвещения народа. В статье приводятся ранее не известные сведения о 51 издании Азбуки («Первоначальное учение детям», 258 000 экз.), девяти изданиях Букварей (22 320), 35 изданиях Учетного часослова (132 000), 35 изданиях Учебной псалтыри (93 600 экз.). Всего изданий для обучения Вере и Грамоте только во второй половине XVII века, как удалось установить, было отпечатано более полумиллиона (536 420), что составило 52,98% суммарного тиража этих лет.

В статье коротко говорится о пятом выделенном типе изданий – о справочных книгах.

Деятельность московской типографии обеспечила подготовку грамотных и активных людей, ставших опорой в осуществлении Петровских реформ на пути превращения средневековой Руси в Российскую Империю Нового времени.

Весомое значение кириллической печати XVII века – века становления национальных славянских языков – заключается в неоспоримом влиянии ее на создание книжных литературных языков, происходившее во взаимодействии с книгой и культурой всех славянских стран.

Ключевые слова: Московское книгопечатание XVII века; репертуар; новые датировки; тиражи; распространение

Drukarnia moskiewska w XVII wieku – od średniowiecza do ery nowożytnej

Streszczenie

W Rosji zaczęto używać prasy drukarskiej w połowie XVI w. Drukowanie książek w Moskwie zostało przerwane w okresie Smuty i przywrócone w latach 1614/1615. W XVII w. proces druku rozwinął się pod względem technicznym i kulturowym. Założono Prikaz celem zarządzania drukarnią.

W artykule podsumowano działalność moskiewskiej drukarni w latach 1615–1700 na podstawie badań dokumentów z archiwum: omówiony został charakter produkcji wydawniczej [analiza obejmuje 632 tytuły, które się ukazały (zgodnie z danymi archiwum), zamiast 498 zachowanych i zarejestrowanych w katalogu A. S. Ziernowej (№ 30–498)] oraz przemiany zależne od wewnętrznych i zewnętrznych priorytetów państwa. W artykule po raz pierwszy określona zostaje liczba egzemplarzy (nakład) książek, koszt ich produkcji i ceny detaliczne ustalone przez państwo.

Korzystając z dokumentów z archiwum i not wpisanych do ksiąg, ustalono społeczne i geograficzne aspekty rozpowszechniania dziesiątek tysięcy nowo drukowanych książek; pozwoliło to na dowiedzenie, że w latach 30. XVII w. książka drukowana stała się już realnym czynnikiem rozwoju większości regionów Rosji, a ponadto że w połowie wieku powstał wspólny słowiański rynek książki.

Dla celów analizy wszystkie tytuły drukowane w XVII w. zostały podzielone na 5 kategorii według ich prymarnej funkcji. Autorka docieka, w jaki sposób publikacje te przyczyniły się do ustanowienia i wzmocnienia dynastii Romanowów oraz rozwoju rosyjskiej państwowości:

- kanon – cztery *Ewangelie* i *Apostoł*, pierwsze wydanie *Biblii* (Moskwa, 1963);
- publikacje o charakterze dydaktycznym do czytań kanonicznych i niekanonicznych (tradycyjne i nowego typu);
- publikacje do publicznego i prywatnego wyznawania wiary, towarzyszące każdemu człowiekowi oraz działalności instytucji państwowych i rządowych.

Badania przeprowadzone w archiwum pozwoliły autorce zrewidować w sposób przekonujący dominującą od dawna koncepcję, że drukarnia moskiewska nie drukowała książek dla celów edukacyjnych. Artykuł podaje informacje o licznych, dotąd nieznanach 51 edycjach *Azbuka na listu – Pierwszych Nauk dla Dzieci* (258 000 egz.), 9 edycjach *Elementarza* (22 320 egz.), 35 edycjach *Księgi Godzin* (132 000 egz.), 35 edycjach *Hymnów* (93 600 egz.). Wydrukowano ponad pół miliona (536 420) egz. wszystkich publikacji do nauczania wiary oraz listów , tj. 52,98% całkowitego nakładu w tych latach.

Krótko opisano w artykule piąty typ – książki z księgozbioru podręcznego. Dzięki drukarni moskiewskiej wykształcono kompetentnych i aktywnych zwolen-

ników reform Piotra i transformacji średniowiecznej Rusi w Rosyjskie Imperium epoki nowożytnej.

Słowa kluczowe: drukarnia moskiewska w XVII wieku; katalog wydań; nowe datowania; nakład; rozpowszechnianie

Moscow Printing House in the 17th Century: Between the Middle Ages and the Modern Age

Abstract

In Russia, the use of the printing press began in the middle of the 16th century. Book printing in Moscow was interrupted during the Time of Troubles and restored in 1614/1615. In the 17th century, the process developed technically and culturally. Book printing Prikaz was established to manage the Printing House.

This paper tries to summarize activities of MPH (Moscow Print House) in the period of 1615–1700 on the basis of the continuous study of documents from the Prikaz's Archive: the character of the repertoire (analysis covers 632 titles according to Archive instead of the 469 that physically survived and was listed in the A. S. Zernova's catalogue (№ 30–498)) and its change depending on the internal and external priorities of the state. In this study for the first time there were specified exactly the number of copies in a run, production cost and decreed selling price.

Using documents from the Archive and notes written in the books the social and geographical aspects of the proliferation of tens of thousand of new published books were established; these has allowed to prove that in the late 1730s a printed book already had become a real factor in the development of majority of Russian regions, and that be the middle of the century, a common Slavic book market has been formed.

For analytical purposes all titles printed in the 17th century are divided into five types according to their primary function, and we examine how these publications were relevant to establishing and strengthening of the Romanov dynasty and the Russian statehood:

- Canon – the Four Gospels and the Apostle, the first edition of the Bible (Moscow, 1963);
- Publications of the didactic nature for canonic and non-canonic reading (traditional for script booklore and a new type);

– Publications for public and private worship, texts of which accompanied every human life, activities of state institutions and government.

Research in the Archive allowed us to revise conclusively a scientific concept stating that Moscow Printing House did not print books for educational purposes. The article provides information about numerous, previously unknown 51 edition of “ABC on the sheet” (“Azbuka na listu” – “The First Teachings for Children”, 258,000 copies), 9 editions of the Primer (22,320 copies), 35 editions of the Training Book of Hours (132,000 copies), 35 editions of the Training Hymns (93,600 copies). More than half a million (536,420) copies of all publications for teaching the Faith and letters were printed, that was 52.98% of the total circulation (numbers of copies) of all these years.

In the paper we briefly describe the fifth type of publications – reference books. These activities of the Moscow Printing House helped to train the competent and active people who supported Peter’s reforms and transformation of medieval Rus into the Russian Empire of the Modern Age.

Keywords: Moscow printing in the 17th century; print index; new dating; print runs; distribution

Correspondence: Irina Pozdeeva, Moscow State University, Moscow, Russia,
e-mail: vascault@mail.ru

Support of the work: This work was supported with funding from the Moscow State University budget.

Competing interests: The author declares that she has no conflicting interests.